

Елена
Мухоморова

Дом
одиноких
сердеч

«Смерть ходит за мной по пятам так непринужденно, что временами мне даже становится смешно. Нет-нет, никакой старухи с косой и прочей бессмысленной атрибутики вроде черной мантии до пола. Скорее кружевной зонтик или букетик цветов... со вкусом подобранный плащ... Поэтому иногда мне кажется, что на меня в солнечный день падает тень. Или запах цветов, почти неуловимый, появляется где-то совсем близко. Или шуршание плаща раздается на совершенно пустой лестничной клетке. В такие секунды я резко начинаю ощущать смысл слов, которые бездумно произношу, – например, лестничная клетка. И я внутри лестничной клетки, за решеткой. Не хватает только дрессировщика, который войдет с кнутом и выведет меня на арену.

Жаль, что я не верю в Бога, – так было бы гораздо легче. И еще жаль, что мое дело останется незаконченным. Если только мне не удастся найти человека, который закончит его за меня.

Но тут возникает небольшая моральная дилемма, правда? Ведь если я все-таки найду его, то дама с букетиком, под кружевным зонтиком, в хорошо пошитом плаще будет ходить уже за ним. С одной стороны, не очень хорошо. С другой стороны, для меня к тому времени это не будет иметь ровным счетом никакого значения.

А раз так – нужно его найти».

Глава 1

Даша гуляла по лесу, с наслаждением вдыхая упоительный запах сосен и травы. Август выдался холодным и дождливым, и Даша с грустью думала о том, что коротким летом не удалось в этом году полностью насладиться. Но сегодняшний день был ласковым и теплым. «Счастье какое, – вздохнула Даша, вертя в руках пахучую сосновую веточку, – в кои-то веки не нужно Прошку мыть». Словно услышав ее мысли, Проша обернулся и посмотрел на нее долгим задумчивым взглядом.

– Иди, иди, – махнула ему Даша. – Нечего меня гипнотизировать. Еще пять минут – и домой!

Проша гулко гавкнул, повернулся и неторопливо засеменял по росистой траве. Еще некоторое время Даша глядела ему вслед, одновременно размышляя: на завтрашнее утро назначены занятия, которые нужно хорошенько распланировать.

Впереди раздался собачий бас, быстро выведший ее из задумчивости. «Опять божж», – решила Даша и ускорила шаг. Но Проша, обычно от души облаивавший любого человека, от которого пахло спиртным, неожиданно замолчал. Обогнув кусты, она увидела, что пес стоит на тропинке, наклонив голову и изучая человека под корявой раскидистой сосной.

– Не бойтесь! – крикнула Даша еще издалека, разматывая на ходу поводок. – Он не кусается.

– А я, сударыня, прекрасно вижу, что он не кусается, – ответил звучным голосом человек под сосной. – По-моему, вполне благовоспитанный пес флегматичного темперамента.

Даша подошла поближе и теперь смогла разглядеть обладателя звучного голоса. Это был высокий сухопарый старик в сером костюме, на вид лет семидесяти, с пушистыми белыми усами над верхней губой и гладко выбритым подбородком. Подойдя к нему, Даша уловила легкий запах одеколona, мгновенно вызвавший

воспоминания из далекого детства: она маленькая сидит у деда на коленях, замороженно рассматривая сказочную, волшебную шкатулку. По крышке шкатулки скачут три коня с развевающимися гривами – белый, черный и красный, а за ними, в шкатулочной дали, встает изумрудный лес. Шкатулка черная, гладкая, пахнет лаком, но внутри – какое разочарование! – лежат всего лишь скучные маленькие книжечки в красных и зеленых обложках, какие-то документы да пара запасных ключей от входной двери.

Воспоминание в долю секунды промелькнуло в Дашиной голове, пока она рассматривала старика с пушистыми усами.

– А вы хорошо разбираетесь в собаках? – спросила она, улыбнувшись. Старикан ей понравился.

– Я хорошо разбираюсь в хозяевах, – усмехнувшись в усы, ответил тот. – Иногда, знаете ли, достаточно увидеть хозяина, чтобы рассказать о характере его пса.

– Не может быть, – рассмеялась Даша.

– Может, сударыня, уверяю вас, может. Вот, например, иногда в дальней части парка, там, где детская площадка – знаете? – я встречаю мужчину с двумя таксами. Вы, может быть, их тоже видели.

Даша неопределенно кивнула, с интересом ожидая, что незнакомец скажет дальше. Хозяин такс жил двумя этажами ниже ее, и о характере его псов она имела полное представление.

– У такс ведь обыкновенно какой характер? Правильно, независимый и самолюбивый, – продолжал старик. – Так вот, с этими двумя таксами я близко не знаком, но готов заложить свою вставную челюсть, что они совершенно инфантильны и подавлены хозяином. Более того, и чувство юмора, присущее многим представителям этой чудной породы, у них отсутствует. Вот не улыбаются они – и все!

Даша подозвала Прошу и наклонилась над его ошейником, стараясь скрыть удивление. Старик на редкость точно описал обеих несчастных животных, которые были так забиты хозяином, что боялись гавкнуть лишний раз. Хотя вполне возможно, пришло ей в голову, что старик просто хорошо знает всех троих.

– А вот сейчас вы подумали, я вижу, – раздался у нее над ухом голос, – что я с собачками и раньше встречался и с их хозяином также. Нет-с, уверяю вас, не встречался и близко не общался. Так что вы ошибаетесь на мой счет.

Даша подняла глаза на старика, и выражение ее лица было такое, что тот расхохотался.

– Сударыня, я не читаю мысли, – покачал он головой с довольной усмешкой.

– Но тогда как же... – растерянно начала Даша.

– Как я узнал? Немного наблюдательности, вот и все. Собственно говоря, у большинства людей мысли идут по стандартному варианту – удивление, недоверие, потом настороженность. И вы не явились исключением.

– Просто вы так точно описали, – пробормотала Даша, смутившись. – Вот я и подумала...

– Не стоит извиняться, – великодушно махнул рукой старик, хотя она и не думала этого делать. – Между прочим, по любой собаке точно так же можно определить и характер ее хозяина, но об этом мы с вами побеседуем в другой раз. Да, прошу меня простить великодушно: я же не представился. С вашего позволения – Петр Васильевич Боровицкий.

Он слегка поклонился Даше и, взяв ее руку, галантно прижался к ней губами. Оторопев от неожиданного и непривычного для нее жеста, Даша только почувствовала, как мазнули по руке пушистые усы и еще сильнее пахло старым, давно забытым запахом мужского одеколona.

– Даша, – выговорила она. – То есть Дарья Андреевна.

– Разрешите, Дарья Андреевна, предложить вам небольшую прогулку по парку, – предложил Петр Васильевич. – Если, конечно, вас не слишком обременит в качестве спутника такая трухлявая развалина, как я.

Даша совершенно искренне запротестовала, причем сразу против всего: и против «обременит», и против «трухлявой развалины», но

тут заметила искорки в глазах старика. «Елки-палки, да он ни секунды в моем согласии и не сомневается! – поняла она вдруг. – И развалиной себя не считает, и вообще вертит мной, как захочет!» От такой мысли Даша рассмеялась, непринужденно, как хорошего знакомого, взяла старика под руку, и они пошли по парку. За ними семенил довольный Проша, радуясь, что хозяйка не будет его дергать ближайший час. Тут он был совершенно уверен.

К концу прогулки Даша узнала о своем новом знакомом довольно много. Петр Васильевич оказался журналистом и писателем, собиравшим материал для новой книги. Он сообщил Даше название нескольких уже опубликованных своих книг, но ни одной из них она не читала и поинтересовалась, о чем же будет новая книга. И тут выяснилось кое-что для нее неожиданное.

– Вы, наверное, видели пансионат в глубине лесопарка? – спросил Петр Васильевич и, узнав, что Даша не видела, очень удивился.

– Понимаете, мы в этом районе только третий месяц живем, – объяснила Даша. – Купили здесь квартиру. Много лет снимали жилье и вот наконец купили собственное. Поэтому я еще не весь лесопарк обошла, а только один кусочек.

Тогда старик рассказал, что пансионат, раньше называвшийся «Прибрежный», несколько лет назад выкупили в частную собственность. Новые владельцы организовали там дом престарелых.

– Типичный частный дом престарелых, – рассказывал Петр Васильевич, постукивая тростью при каждом шаге. – Название сохранили прежнее, и теперь полностью он именуется так: Патронажный пансионат «Прибрежный». Стариков там проживает немного, около тридцати человек, и чуть ли не столько же обслуживающего персонала. Так вот, директриса его – на новом русском языке она именуется управляющей – разрешила мне бывать у них, практически беспрепятственно, и я изучаю стариков,

живущих там, беседую с ними, а после по беседам пишу свою книгу. Приезжаю сюда три раза в неделю и с утра до обеда, как правило, присутствую. А когда у них начинаются медицинские процедуры, гуляю для моциону по здешнему прекрасному парку. Вот, собственно, и все.

– А почему вы выбрали именно этих стариков? – поинтересовалась Даша. – Почему бы не беседовать с любыми? Или просто найти в самой Москве подобный дом, и неподалеку от того места, где вы живете? Все-таки ехать сюда к нам не близко.

– Ну что вы, что вы, – покачал головой Петр Васильевич. – Мне нужен именно этот дом, и никакой другой. Дело в том, что контингент тут несколько специфический – люди, которые либо сами были очень состоятельными до того, как попали в пансионат, либо имеют весьма небедных родственников. В двух-трех известных мне в самой Москве частных домах престарелых поселяют стариков исключительно в обмен на квартиру, понимаете? А здесь все не так. Здесь они платят ежегодно – или за них платят, – и ни о каких квартирах речи не идет. А вы догадываетесь, в какую сумму обходится проживание в таком доме?

– Догадываюсь, – хмыкнула Даша. – Наверняка в очень и очень немаленькую.

– В том-то все и дело! И родственники, отправляющие своих близких в сие богоугодное заведение, вполне могли бы найти другой вариант – сиделку нанять, например. Но они выбрали «Прибрежный» – все по разным причинам. В раскрытии этих причин и заключается мой, так сказать, охотничий азарт. Потому что за каждой, уважаемая Дарья Андреевна, скрывается чья-то судьба, а нет ничего увлекательнее, чем писать о судьбах.

Петр Васильевич остановился, прищурясь, взглянул на нее.

– Как-нибудь я покажу вам, чем занимаюсь, – пообещал он. – А пока – разрешите откланяться. Чрезвычайно был рад знакомству.

Он церемонно поклонился, взмахнул тростью и неторопливо пошел по дорожке, ведущей к реке. Даша некоторое время смотрела

ему вслед, потом подозвала Прошу и заторопилась к дому, огибая маленький прудик, чтобы срезать дорогу. Давно пора было возвращаться.

Человек, сидевший на скамейке у пруда, встал и внимательно посмотрел на нее, когда она проходила рядом, но Даша не обратила на него внимания. И пес, огромный мастино неаполитано, чуть прихрамывающий на переднюю правую лапу, тоже пробежал мимо. Человек вздохнул с облегчением – собак он панически боялся, а вот таких громадных, тяжелых, с гладко лоснящейся шкурой и внимательным, чуть ли не человеческим взглядом из-под нависающих бровей – в особенности. Потом ему пришло в голову, сколько может стоять такая вот прихрамывающая корова, и он злобно сплюнул вслед стройной светловолосой женщине в зеленой куртке.

«Жадная стерва! Откуда она появилась и когда он успел с ней познакомиться, да так, что я ничего не заметил? Хотя неважно. Понятно, что давно – иначе не бродили бы под ручку, как юные придурки. Знаю я таких баб – только дай им богатого мужика, они из него выжмут все соки, а потом пойдут искать следующего. По-хорошему, их всех нужно убивать! Не, ну всех – это типа утопия, а вот с одной разобраться вполне можно. Только собака мешает. Собака, собака... Что же придумать с собакой?..»

Вечером, кормя уставшего и голодного Максима ужином, Даша рассказала ему о своем новом знакомом.

– Писатель? – переспросил Максим с набитым ртом. – Известный?

– Да нет, по-моему. По крайней мере, я ничего не читала.

– А, ну тогда неинтересно! Вот если бы ты с живым классиком познакомилась, тогда да! И он бы с тебя и Олеськи писал литературные портреты, увековечивая для потомков.

– Кто писал? – подала из соседней комнаты голос Олеся, которая давно должна была спать, но не спала, а слушала разговор родителей. – Я тоже хочу, чтобы меня нарисовали.

– Спи давай! – прикрикнула на дочь Даша. – Нарисуют тебя, не волнуешься, еще нарисуют. Но знаешь, Максимушка, – она уселась за стол и задумалась, вспоминая, – он так своеобразно разговаривает – со всякими старинными «позвольте», «разрешите предложить». И даже «ну-с» вставляет иногда! Но получается у него совершенно органично. Наверное, из-за возраста. И вообще, он весь такой интеллигентный... в хорошем смысле.

– То есть бывает интеллигентный еще и в плохом? – заинтересовался Максим. – Ну-ка, ну-ка, поподробней...

– В плохом – это когда человек не умеет постоять ни за себя, ни за кого-то другого, – неуклюже объяснила Даша. – Такой несколько карикатурный персонаж, но довольно часто встречающийся. Ну вот как Владик твой, например, – бездна эрудиции, а при том патологический трус. Петр же Васильевич, мне кажется, при необходимости даже подраться сможет.

– Если не рассыплется, – кивнул Максим, дожевывая третью котлетку. – Ну, в общем, тебе теперь есть с кем общаться, кроме твоих несчастных детишек. Кстати, ты к кому завтра едешь?

– К Барсукову, – вздохнув, ответила Даша. – С самого утра.

– Ах ты моя бедная, – пожалел ее Максим. – Будешь барсучонка учить букву «р» выговаривать? Рассказывать про Карла, экспроприировавшего у несчастной Клары единственную память о курортном романе?

– Ну тебя! – Даша забрала у супруга пустую тарелку и начала ожесточенно тереть ее под водой. – Тебе смешно, а мне страдания. И никакую не «р» – как раз она у него поставлена. Ладно, не хочу даже думать об этом.

Максим встал и сочувственно погладил ее по спине.

– Давай я посуду помою, что ли, – предложил он. – Из сострадания к твоим завтрашним мучениям.

Даша насмешливо хмыкнула, но от раковины отошла.

На следующее утро, трясясь в автобусе, она настраивалась на предстоящий урок. Даша была частным логопедом и занималась со всеми детишками подряд, то есть бралась и за самые сложные случаи.

Стать логопедом ей помогла чистая случайность. Даша трудилась переводчиком в одной из многочисленных московских фирм и была почти довольна своей работой, а самодур-шеф был почти доволен ею. До тех пор, пока Даша не высказала собственное мнение об идеях его молодой любовницы, работавшей в соседнем с Дашиным отделе. Любовница, как все прекрасно знали, была круглой душой, и ее многостраничный труд по критериям оценки деятельности переводчиков был набором бессмыслиц, прямо-таки умилительных потому, что ни одного иностранного языка сама юная Светочка не осилила.

Дашина точка зрения стала известна сотрудникам, и за глупую откровенность она вылетела с работы так быстро, что толком не успела ничего понять. А потом последовала поездка в Турцию, куда Дашу на последние деньги отправила мама и где та познакомилась с будущим мужем. Когда они поженились и Даша забеременела, ей стало не до работы, да и Максим не возражал против того, чтобы во время беременности любимая жена сидела дома, варила супы, гуляла и не нервничала (за время их общения в Турции он убедился, что его Даша отличается крайней впечатлительностью, и очень опасался, как бы эта ее особенность не повлияла на развитие еще не родившегося ребенка).

Даша и не волновалась, прекрасно себя чувствовала все девять месяцев, а в положенный срок родила здоровую девочку, которую назвали Олесей. Неприятности начались позже: Олеся не заговорила ни в три года, ни в три с половиной, а когда наконец начала произносить слова, то выдавала невнятный набор звуков. Ужаснувшись, Даша начала таскать дочь по всем специалистам, каких только нашла, но после полугода бессмысленно потраченного времени убедилась: помочь девочке сможет только она сама.

Даша записалась на логопедические курсы, читала по ночам статьи в Интернете, покупала медицинские книги, искала статьи на английском и сама переводила их. И занималась, занималась, занималась с Олесей. Попутно нашла еще четырех мам с похожими проблемами, и они обменивались опытом, вместе размышляли, что бы придумать новое для обучения своих детей.

В шесть лет Олеся говорила уже чисто и хорошо, куда лучше большинства сверстников. Даша вздохнула спокойно, решив, что наконец-то можно возвращаться к работе. Но неожиданно сосед по дому, пристально наблюдавший за успехами ее и Олеси, попросил логопеда-самоучку поработать с его внуком, в пять лет упорно не желавшим выговаривать половину алфавита. Так Даша и начала заниматься тем, что вовсе не считала своей специальностью, – стала учить говорить теперь чужих детей.

Педагогом она оказалась прекрасным, и ее «передавали» знакомым и знакомым знакомых, когда собственные дети клиентов начинали говорить вполне достойно. В последний год Даша даже смогла осуществить свою давнюю мечту – вставать с постели не тогда, когда необходимо куда-то спешить, а в то время, когда хотелось ей самой. Она просыпалась в начале девятого, быстро делала все домашние дела и к девяти часам была готова к большой прогулке. Проша ложился на коврик у входной двери заранее и начинал ждать, когда же раздастся позвякивание карабина на поводке и хозяйка скомандует: «Гулять». Гуляли они по часу, а теперь, когда в двух шагах от их дома был такой огромный лесопарк, и по полтора. Только после этого Даша начинала занятия.

Правда, иногда все же случались непредвиденные обстоятельства, и приходилось силком вытаскивать себя из теплой постели, выпивать огромную чашку кофе и бочком прокрадываться мимо Проши, укоризненно смотревшего на Дашу огромными, как сливы, карими глазами. Сегодня таким непредвиденным обстоятельством была бабушка Никиты Барсукова – Инна Иннокентьевна. Даша часто

думала, что у человека, назвавшего ребенка именем Инна при Иннокентии-папе, должны начисто отсутствовать слух и вкус.

Сегодня Инна Иннокентьевна была в ударе. Пока Даша раздевалась в прихожей, она поведала ей о проблемах с машиной, обругала походя папу Никиты, своего зятя, и одним словом уничтожила зеленую курточку Даши, которой та очень гордилась.

– Миленькая на вас вещица, – заметила Инна Иннокентьевна. – Я, правда, не сторонник распродажных вещей, хотя, если нет выбора...

«Вот именно, нет выбора, – чуть не сказала ей Даша. – Не у каждого есть возможность одеваться исключительно за границей, и вовсе не потому, что одни глупые, а другие умные, а потому что жизнь у людей устраивается по-разному». Сама Инна Иннокентьевна была вдовой московского чиновника и последние пять лет жила припеваючи на то, что «незаметный служащий» оставил после себя. Ее огромный джип-внедорожник ненавидели все соседи Барсуковых, потому что, приезжая в гости к дочери и внуку, Инна Иннокентьевна, не задумываясь, бросала машину у чужих гаражей, прочно перекрывая все въезды и выезды. Причем сигнализацию на машине она не включала, поэтому пинки по колесам черного монстра ничего не давали – Инна Иннокентьевна отгоняла машину тогда, когда нужно было ей, а не каким-то неудачникам на «Дэу» или, прости господи, «Хундаях».

– Так чем мы сегодня займемся? – поинтересовалась бабушка Никиты, прочно обосновываясь в кресле. – Мальчик так ужасно говорит! Вот, помню, я в его возрасте...

С возрастающей тоской Даша слушала воспоминания Инны Иннокентьевны о ее юных годах и чувствовала, что опять попала в ловушку. Инне Иннокентьевне нужен был слушатель, и она использовала любого несчастного, подворачивающегося ей на жизненном пути.

– Никита, – кипятилась тем временем дама, кивая на накупившегося мальчика, – он даже букву «ч» не выговаривает! Вот как так можно, объясните мне как логопед!

Даша вспомнила «распродажную вещь» и почувствовала, что терпение ее лопнуло, как воздушный шарик.

– Объясняю как логопед, – вежливо и сухо произнесла она, глядя мимо Инны Иннокентьевны. – На сегодня я вижу единственную причину, по которой Никита не освоил данный звук, – лично вы. Мне неловко вам это говорить, но чем раньше мы начнем заниматься с Никитой наедине, тем быстрее он научится выговаривать все звуки.

Даша ожидала, что бабушка Никиты разразится длинной тирадой, но Инна Иннокентьевна окинула ее долгим взглядом, поднялась из кресла и молча вышла.

– Ну что же, дружок, давай заниматься, – обратилась Даша к мигом повеселевшему мальчику. – Дай-ка мне ладошки. Смотри, вот тут поскакал зайчик, а за ним гналась лиса...

Через час с лишним выдохшаяся Даша вышла из комнаты, оставив довольного Никиту разбираться с новой игрой, и побрела по коридору, чтобы найти бабушку мальчика. Дойдя до кухни, она остановилась. Из-за прикрытой двери доносился рокочущий голос:

– Если это твой хваленый профессионал, Ирина, то ты просто дура. Ты не видишь, что ли, что у Никиты нет никакого прогресса? Твой сын деградирует! И сколько она берет за одно занятие? Сколько?! Да ты с ума сошла!

Даша повернулась и пошла обратно.

– Никита, найди, пожалуйста, бабушку, – попросила она мальчика, вернувшись в детскую. – И скажи, что мы закончили заниматься.

Когда Никита вышел, Даша потеряла виски и зажмурилась. В голове гудел колокол, как бывало всегда, когда ей приходилось рано вставать.

– Вы уже закончили? Так быстро?

В дверях выросла монументальная фигура Инны Иннокентьевны, облаченная во что-то изумрудное и драпирующее.

– Занятие идет час с небольшим, – отозвалась Даша ровно. – Сейчас половина одиннадцатого. Я приехала в девять.

– Да нет, к вам у меня нет никаких претензий, – пожала плечами Инна Иннокентьевна. – Идите получите ваш гонорар.

Складывая в кошелек мятые купюры, Даша испытывала ощущение брезгливости и унижения. Она сама понимала, что это глупо, что нужно уметь защищаться от таких вот дам непробиваемым щитом равнодушия, но у нее никогда не получалось отгораживаться. Вежливо попрощавшись и получив в ответ приторно-ласковую улыбку от Инны Иннокентьевны, Даша вышла из подъезда с совершенно больной головой. Она побрела в сторону автобусной остановки, но через два шага остановилась. По тротуару бегал туда-сюда полный лысоватый мужичок, ежесекундно вытирая платком блестящую лысину. Одного взгляда Даше хватило, чтобы понять, в чем дело: грязная белая «девятка» была припаркована в углу двора, перед мусорными баками. Выехать из закутка водитель никак не мог – вплотную к его машине стоял внушительный джип, уже знакомый Даше.

– Нет, ну что с такими делать, а?! – обратился страдалец к Даше, заметив сочувствие на ее лице. – Стекла в машине бить – так себе дорожке встанет. В милицию звонили – там нас просто подальше посылают. Вот как нагрянет эта сука раз в неделю, так хоть на метро езжай! И ведь никогда не знаешь, куда она тачку свою приткнет в следующий раз. Черт возьми, хоть бы ее джип угнали, что ли! – высказал он наконец заветную мечту.

– Вы знаете, – деликатно заговорила Даша, стараясь не вспоминать семейство Барсуковых, – мне муж как-то рассказывал, что они с друзьями в подобном случае очень простую вещь сделали: крошек хлебных на капот насыпали.

– И что? – непонимающе хмыкнул мужик.

– Да ничего особенного. Просто голуби со всего двора слетелись.

– Обгадили! – догадался водитель, светлея лицом. – Слушайте, да ведь... О, гениально!

Он стремительно бросился к подъезду, что-то возбужденно бормоча себе под нос. Даша разобрала только «Да хоть всю

машину!». Громко хлопнула подъездная дверь, и во дворе наступила тишина. Со смешанным чувством удовлетворения и стыда Даша бросила взгляд на блестящий джип и побежала со всех ног к остановке.

В четверг Даша опять увидела Петра Васильевича. Она обрадовалась и сама удивилась своей радости: подумаешь, случайное знакомство, что тут такого? Но Петр Васильевич был, казалось, рад видеть ее ничуть не меньше. Поцеловав ей руку, он опять предложил прогуляться, и они долго ходили по лесу вдвоем, а из кустов то и дело выныривал довольный Проша. На сей раз Боровицкий больше расспрашивал, а Даша рассказывала о себе. Старик слушал с интересом, очень внимательно, и Даша неожиданно пожаловалась на Инну Иннокентьевну, хотя вовсе не собиралась обсуждать неприятную женщину, тем более с почти незнакомым человеком.

– Дарья Андреевна, сударыня вы моя, – успокоил ее Петр Васильевич. – Если вы полагаете, что сия дама бросила замечание про вашу прелестную курточку случайно, то вы очень и очень заблуждаетесь. Она именно хотела вас задеть, и у нее прекрасно получилось.

– Но зачем? – удивилась Даша. – Я ее не обижала, скорее даже наоборот. – Она невесело улыбнулась, вспомнив бесконечные рассказы Инны Иннокентьевны о ее насыщенной жизни.

– А дело тут вовсе не в обидах, – возразил Боровицкий. – У определенного сорта женщин такая, знаете ли, тренировка, чтобы навыки кусания не пропадали. Вы никогда не обращали внимания, что есть люди, которые норовят любому человеку в разговоре сказать хоть маленькую, но гадость? Причем частенько весьма успешно маскируют эту гадость под комплимент. Ну так вот ваша дамочка из их числа. Бывает, поговоришь с подобным человеком – хоть вроде ничего особенного он и не сказал! – и остается какое-то ощущение неприятное, а настроение испорчено вдребезги. Начнешь

прокручивать в голове разговор, и иногда всплывает, куда он тебя куснул, а другой раз, сколько ни вспоминай, и сообразить не можешь. Только одно средство помогает – надо вычислять таких людей и постоянно помнить об их, так сказать, увлечении. Учитесь толстокожести, милая Дарья Андреевна, причем толстокожести избирательной – вот вам мой стариковский совет. Кстати, о толстокожести. Хотел вас спросить: отчего ваш Проша прихрамывает? И почему он, собственно, Проша? Обычно таким породистым собакам, по моим наблюдениям, дают более эффектные клички. Или такие, знаете, с претензией на изыск. Вот, например, Бакс одно время было очень в моде.

Даша улыбнулась и объяснила:

– Проша – потому что у нас фамилия Пронины. Мы ему ничего специально не придумывали, как-то само получилось – Прошка и Прошка. А хромает – потому что он бракованный.

– Я всегда полагал, что бракованных щенков от породистых собак уничтожают, – удивился Петр Васильевич.

– Ну что вы! – покачала головой Даша. – Может, где-нибудь в Европе их и уничтожают, а у нас продают точно так же, как и всех остальных, только дешевле. Прошу моему мужу на Птичьем рынке вообще чуть ли не даром всучили.

И Даша вспомнила, как три года назад отправившиеся на рынок за рыбками Максим и Олеся вернулись с черным щенком, постоянно поскуливавшим и не наступающим на переднюю лапу. Даша хотела их отругать, но у нее язык не повернулся, и следующие шесть месяцев они с мужем исправно возили щенка к ветеринару, перебинтовывали лапу особым образом, приучали собаку, оказавшуюся неожиданно умной, не срывать повязки. В конце концов у Проши осталась лишь слабая хромота, что, как объяснил ветеринар, было большим достижением.

– Повезло вам, – прямо сказал собачий доктор, – у пса связки порваны, а срослись черт знает как. Хорошо, что вы его таким маленьким взяли и сразу лечить начали. Молодцы! Ну и я, конечно,

постарался, – скромно добавил он. – Но еще предупреждаю: он у вас будет много болеть – иммунитет у мастино никуда не годится.

Но Проша болеть не спешил и через два года превратился в собачью лошадь, как его называла Олеся. Практически никем из семьи не обучаемый, он понимал все команды и всегда внимательно прислушивался, когда речь заходила о нем. Когда кое-кто из знакомых говорил Даше, что можно было бы им купить и здоровую собаку, она ничего не объясняла и только с сочувствием смотрела на того человека.

– М-да, вы с супругом действительно молодцы, – заметил Петр Васильевич, выслушав ее рассказ. – Кстати, мы с вами сделали круг.

Они стояли под той же самой сосной, под которой встретились час назад. В развилке между двумя ветками Даша заметила черный провал дупла.

– Смотрите-ка, Петр Васильевич, – она легко дотянулась до углубления в стволе. – Здесь, наверное, чье-то гнездо было.

– Хм, а ведь дупло может нам с вами сослужить неплохую службу... – сообщил Боровицкий, приподнимаясь на цыпочки и заглядывая внутрь. – Нет, гнезда никакого тут не было, потому что оно неглубокое, а вот приспособить его для себя мы с вами вполне можем.

– Приспособить? – не поняла Даша.

– Видите ли, Дарья Андреевна, у меня сейчас нарушается привычный график приездов, и я буду узнавать день следующего визита только после посещения пансионата. Так вот, поскольку мне не хотелось бы жертвовать нашими совместными прогулками, я могу оставлять вам в дупле записочки. Что вы думаете по этому поводу?

Даша только было собралась ответить, что вообще-то у нее имеется сотовый телефон, да и у Петра Васильевича тоже, но взглянула на старика и... промолчала. Боровицкий прямо-таки с воодушевлением смотрел на старую сосну, глаза его горели, и она просто улыбнулась и кивнула. Записочки так записочки. В конце концов, если старый и мудрый человек хочет немного побыть

ребенком, то ей стоит его поддержать.

«Значит, старый ублюдок решил потрянуть стариной. Нет, ничего у тебя не получится. И знаешь почему? Потому что за тобой слишком много долгов. Ты должен моему отцу, должен моей матери, но в первую очередь – мне. А ты хочешь увильнуть от своей обязанности, прикрыться лохматой стервой, использовать ее – и все только для того, чтобы оставить меня ни с чем? Но я был готов к этому! Еще отец предупреждал, что от тебя можно ждать чего угодно, и он был прав. От тебя действительно можно ожидать очень многого...

Но есть кое-что, чего даже ты, такой умный и понимающий, не знаешь. Ты не знаешь, что от меня тоже можно ожидать чего угодно».

Глава 2

За следующие две недели совместные прогулки и разговоры с Петром Васильевичем вошли у Даши в привычку. Идея с записочками, следовало признать, оказалась просто замечательной. Заглядывая в темное дупло почти каждое утро, Даша с интересом ожидала: увидит она там белую бумажку или нет? Иногда там лежала не бумажка, а открытка, а пару раз обычный конверт. Но всегда в нем содержалось одно послание: «Уважаемая Дарья Андреевна, буду на нашем с вами месте...», а внизу четко, разборчиво Боровицкий приписывал день недели. Далее шла красивая подпись с длинным росчерком на конце. Все это было необычайно увлекательно, хотя Олеся и Максим всячески вышучивали Дашу.

– Мама заделалась бойскаутом, – на полном серьезе рассказывала Олеся бабушке, матери Максима. – Она перевязывает лапы белкам и оставляет секретные послания в дуплах. Вот вчера купили палатку. Даже не знаю, куда она сейчас отправится – может быть, в горы?

Даша смеялась вместе с ними, но на следующее утро высматривала записку в дупле с тем же радостным ожиданием. И совсем хорошим день получался, если под сосной она видела знакомую фигуру в светлом костюме, а подходя ближе, улавливала слабый запах одеколона, давным-давно вышедшего из моды.

Радостное предвкушение встречи никогда не обманывало ее. Боровицкий был прекрасным собеседником и таким же хорошим слушателем. Эрудиция его была, казалось, неисчерпаема, и Даше доставляло огромное удовольствие просто слушать, как он неторопливо рассуждает о чем-нибудь, время от времени поворачиваясь к ней и вопросительно заглядывая ей в глаза, словно пытаясь удостовериться, что она с ним согласна. Он был всегда элегантен и всегда галантен. В его отношении к ней проскальзывало что-то покровительственное, словно именно она была старой

женщиной, а он мужчиной средних лет. Про себя Даша прозвала его аббатом Фариа: частенько случалось так, что после бесед с ним ей становилось понятным то, на что в течение долгого времени она не могла найти ответа. Петр Васильевич скупно рассказывал о себе, но у Даши сложилось впечатление, что у него есть дети и что его отношения с ними оставляют желать лучшего. Впрочем, Боровицкий не вдавался в подробности, а она не расспрашивала. У них было много других тем для разговоров.

В последний понедельник августа Петр Васильевич, встретившись, предложил:

– Дарья Андреевна, а не хотите ли познакомиться с моим авторским материалом? Я имею в виду, разумеется, дом престарелых, о котором я вам рассказывал. Мне было бы весьма любопытно узнать ваше мнение о некоторых его обитателях.

– А меня туда пустят? – заколебалась Даша, представив себе ограду с колючей проволокой наверху и охранника с бетонной физиономией.

– Пустят, пустят, – успокоил ее Боровицкий. – На сей счет совершенно не беспокойтесь. Готовы ли вы сами к таким впечатлениям, вот в чем вопрос.

– Вот заодно и узнаем, – решительно сказала Даша, беря Петра Васильевича под руку и направляясь по дорожке в сторону реки. – Только куда мы Прошу денем?

– А пускай с нами ходит, – решил Боровицкий, – мы же не будем сегодня в корпус заходить, а так, побродим по территории, получим первое впечатление от «Прибрежного». То есть вы получите – я-то уже и второе получил, и десятое.

Между высоких, качающихся на теплом ветру сосен они дошли до берега, где дорожка сворачивала направо. В двухстах метрах ниже по течению Даша с удивлением увидела голубое двухэтажное здание, очень аккуратное, за которым виднелись такие же чистенькие пристройки. Никакой колючей проволоки и бетоннолицего охранника поблизости не наблюдалось – была

обыкновенная ограда, терявшаяся где-то среди сосен. Когда они прошли ворота, в глаза Даше бросились простые, но аккуратные клумбы, стриженные кустарники и чистые деревянные скамеечки через каждые пятнадцать шагов. Широкая заасфальтированная дорога вела от ворот ко входу в пансионат, а от нее разбегались в разные стороны, петляя и извиваясь, дорожки поменьше. По ним прогуливались несколько стариков, двое или трое сидели на скамеечках. Было тихо и пахло рекой.

– Петр Васильевич, как здесь хорошо! – изумленно сказала Даша, оглядываясь по сторонам. – А в корпусе...

– И в корпусе так же, – понял ее вопрос Боровицкий. – Я вам потом комнаты покажу, так вы наверняка некоторым позавидуете. Я ведь вам, Дарья Андреевна, говорил – частный пансионат, частный. И обитатели здесь... несколько своеобразные.

Они свернули на одну из тропинок и пошли вдоль живой изгороди.

– Вот, полюбуйтесь, – размеренно говорил Петр Васильевич, – на дальней скамеечке сидит Виктория Ильинична Окунева, бывшая балерина. Она, между прочим, терпеть не может собак, поэтому не мешало бы нам Прошу куда-нибудь пристроить, как вы полагаете? А я пока подойду и поздороваюсь с нашей служительницей муз.

Оглядевшись, Даша заметила у ограды небольшую лужайку, закрытую с одной стороны пышным кустом хризантем. Она отвела пса на лужайку и строго-настрого приказала ему лежать и ждать ее. Проша вздохнул, но подчинился. Даша убедилась, что его закрывает тень от куста, и побежала догонять Петра Васильевича.

Бывшая балерина, с которой он беседовал, оказалась невысокой сухонькой старушкой с поразительно красивой посадкой головы. Совершенно седые волосы, расчесанные на прямой пробор и собранные сзади в пучок, тонкие губы, маленький прямой нос... Даша подумала, что Окунева в молодости была красавицей. Когда она поздоровалась, подойдя к скамейке, бывшая балерина тут же повернулась к Даше с приятной улыбкой.

– Петр Васильевич сказал, что вам очень понравились наши клумбы, – произнесла она чуть дребезжащим голосом. – Мне было так приятно это слышать, ведь именно я предложила разбить их как раз здесь. Не правда ли, получилось очень мило?

Даша заверила Викторию Ильиничну, что получилось замечательно, и еще пять минут поддерживала светскую беседу о погоде и состоянии лесопарка. Когда они наконец отошли от скамейки на значительное расстояние, Даша заметила:

– Какая приятная женщина. Она, наверное, раньше была очень красивой?

– Не сказал бы, – возразил Боровицкий. – Я видел ее фотографии, где она снята совсем молодой: лицо самое непримечательное. А вот к старости в нем появилась некая значительность, которая, конечно, ей очень идет. Но черты лица правильные, этого не отнимешь. Между прочим, сия приятная женщина, выдающая себя за великую балерину, каковой она никогда не была, здесь не по своей воле.

– А по чьей же?

– Ее отправил сюда сын, деловой человек, как говаривали раньше, а по-современному – бизнесмен. Виктория Ильинична, живя с ним, умудрилась расстроить два его брака, и, женившись в третий раз, несчастный бизнесмен пристроил госпожу Окуневу сюда, поскольку поселиться отдельно наша балерина не захотела.

– Не может быть, – не поверила Даша. – Так не бывает.

– Бывает, бывает. Между прочим, Виктория Ильинична поступила весьма разумно. Ведь сын так или иначе от нее все равно бы избавился, но здесь она получила замечательную возможность совершенствовать талант актрисы – каждому из своих знакомых она рассказывает, как родной сын запихнул ее в дом престарелых. Причем в красках описывает свои нравственные и физические мучения. Узнав о цели моих визитов, она попыталась сделать меня своим биографом, но не преуспела и теперь на дух меня не переносит.

– А ведь вы ее тоже не любите, – догадалась Даша.

– Не люблю, – согласился Боровицкий. – Точнее, отношусь к ней без сочувствия. В отличие от следующей дамы.

Навстречу им по тропинке двигалась, переваливаясь, тучная женщина в спортивном костюме. Ее оплывшее лицо напомнило Даше индюка Савелия, которого бабушка держала одно время у себя в деревне, но который быстро был прирезан за злобный и совершенно неуравновешенный характер. «Не повезло, – говорила бабушка, – попался псих индюшачий, вот и возись с ним теперь. Кричит, бросается, а зачем бросается – непонятно». Судя по тому, что женщина выкрикивала на ходу что-то угрожающее, она как раз представляла собой разновидность индюшачьего психа.

– Что случилось, уважаемая Ирина Федотовна? – издали крикнул Боровицкий и шепотом добавил: – Прошу вас, Дарья Андреевна, не раздражайте ее.

Женщина доковыляла до них, уставилась на Петра Васильевича маленькими заплывшими глазками и визгливо переспросила:

– Что случилось? Я вам скажу, что случилось! Они, – толстуха неопределенно махнула рукой в сторону пансионата, – книжек мне привезли!

– Это вас расстроило? – деликатно осведомился Боровицкий с искренним сочувствием в голосе.

– Сколько раз я тебе говорила, старый дундук, чтобы ты ко мне на «ты» обращался, а?! – внезапно крикнула Ирина Федотовна, и Даше стало не по себе. – Нечего мне «выкаты», словно я вошь балетная!

– Моль, – поправил ее Боровицкий. – Обычно говорят не вошь, а моль.

– Поучи меня еще! – так же визгливо огрызнулась старуха. – Книжек, говорю, мне привезли, а?! Совсем совесть потеряли! Ни стыда нет, ни чести! А ты что подслушиваешь? – набросилась она на молчавшую Дашу, так что та вздрогнула. – А ну, иди отсюда! Все вы заодно!

– Мы уже уходим, – спокойно пообещал Боровицкий и, взяв Дашу под локоть, повел к следующей свободной скамеечке, пока толстая

Ирина Федотовна что-то кричала им вслед. Наконец она успокоилась и поковыляла дальше, а Даша перевела дух и вопросительно уставилась на старика.

– И вот ей вы сочувствуете? – поинтересовалась она, когда крики смолкли в отдалении. – Чем же она вам нравится?

– Ну, «нравиться» и «сочувствовать» все-таки разные вещи, – покосился на нее Боровицкий. – А интересна она мне вот чем. Когда-то, давным-давно, она усыновила одного за другим троих детей. При том, заметьте себе, Дарья Андреевна, что у нее был свой родной ребенок, которого она очень любила. И стало у нее детей четверо. Но надо же было такому случиться, что родной ее сын подростком погиб – утонул в море. Осталась она одна с тремя приемными детьми.

– А муж? – спросила Даша.

– А муж от нее еще раньше ушел, насколько я помню. То ли другую жену себе нашел, то ли просто жизни такой не выдержал... В общем, детей она вырастила, каждому дала весьма неплохое образование и, можно сказать, всю жизнь свою положила на приемышей. Но к старости, как вы видели, сделалась совершенно невозможным человеком. Жить с ней вместе ни один из детей не может, одна она тоже существовать не в состоянии, потому что больна и стара. Сиделки дольше месяца с ней не выдерживали – дама бывает весьма агрессивной, не то, что сейчас.

Даша вспомнила про «сейчас» и представила себе Ирину Федотовну в «весьма агрессивном» настроении.

– Что вы ежитесь, голубушка? – заботливо спросил Боровицкий. – Замерзли?

– Нет-нет, – помотала головой Даша. – Я просто так.

– Ну так вот... Собственно, дети ее решили, что другого варианта нет, и отдали мамочку в «Прибрежный». И теперь Ирина Федотовна их ненавидит, потому что она ради них отказалась от всего, а они на старости лет ей отплатили злом. А дети ее ненавидят, потому что при каждом их визите она напоминает, что они неблагодарные

детдомовские свиньи, и пусть бы лучше они тысячу раз утонули в море, а ее родной мальчик остался жив. От всех подарков, что дети ей привозят, она оскорбляется, потому что ждет от них совершенно другого. И они стараются уехать по возможности быстрее, так как выносить ее долго, уверяю вас, совершенно невозможно.

– Я могу их понять, – тихо сказала Даша. – И ее тоже.

– Так вот это и есть самое печальное, – грустно произнес Боровицкий, поднимаясь со скамейки и протягивая ей руку. – Что всех можно понять. Всех можно понять...

Главный врач пансионата стоял у раскрытого окна и смотрел на странную пару, идущую по дорожке в сторону пруда, – высокого элегантного седого старика с белыми усами и молодую женщину, тоже худую и светловолосую. Их легко было принять за отца и дочь, но главный врач знал, что никакой дочери у Боровицкого нет. Интересно, кто же она такая? И доктор точно знал, что интересно не ему одному.

Другой человек тоже смотрел на женщину и старика, прислушиваясь к своим внутренним голосам. «Ты понимаешь, что нужно сделать это как можно скорее?» – спрашивал один голос. «Понимаю, понимаю», – соглашался второй. «Потом может быть слишком поздно, и даже, может быть, поздно уже сейчас, иначе зачем бы они пришли вместе?» – настаивал первый голос. «Ты не беспокойся, – мягко говорил второй, – мы все успеем».

И человек знал, что он действительно успеет. В первый раз было сложно – приходилось все тщательно продумывать, выстраивать, готовиться... Да, а еще терпеть, терпеть долгое время, терпеть мучительно, хотя вообще-то терпения у него было в избытке. Ему припомнилось, как он стоял, затаив дыхание, на лестничной клетке и ждал, когда выйдет жертва. И как двумя минутами позже он прислушивался к отчаянному, дикому крику того, другого, раскачивающегося над разбитым, изуродованным от удара телом.

Но миг его торжества был не тогда, вовсе нет. Миг его торжества настал в тот момент, когда, сидя на жестком стуле в зале суда и глядя на такое знакомое лицо, он услышал слова: «Это я ее убил. Я».

Сейчас не будет такого торжества – но не будет и такой подготовки. Она не понадобится, поскольку жертва пришла сама. «И останется здесь», – сказал голос. Правда, человек не разобрал, который именно. В конце концов, неважно. Главное, что голос был прав.

– А кто там, у окна? – покосилась Даша в сторону пансионата. – Там какой-то мужчина стоит и смотрит, по-моему, на нас. Может быть, ему не нравится, что чужие на территории?

– Нет-нет, Дарья Андреевна, – успокоил ее Боровицкий. – Это, должно быть, местный врач... Вот с именем его у меня всегда случается дурацкая оказия: я его путаю.

– Оно сложное?

– Наоборот, слишком простое, – раздраженно махнул рукой Петр Васильевич. – Зовут его то ли Денис Борисов, то ли Борис Денисов. По-моему, первое, но я могу и ошибаться. И понимаете, какое дело – он и сам весь такой... как валет в колоде: хоть вверх ногами его переверни, хоть вниз – все одно валет. Бывает, скажет что-нибудь, и очень то, что он произнес, ему подходит. Назавтра говорит ну просто совершенно другое, до противоположности, но точно так же и оно ему подходит. Хотя, как ни верти его, человек он, по совести говоря, неприятный.

При последних словах его голос зазвучал с каким-то напряжением, и Даша с тревогой взглянула Боровицкому в лицо. Старик побледнел, на лбу у него выступили капельки пота.

– Петр Васильевич, что с вами? – испугалась Даша. – Вам плохо?

Боровицкий молча остановился и оперся на ее руку.

– Господи, я сейчас врача позову... – выдохнула она, но морщинистая рука крепко сжала ей пальцы.

Старик еле-еле качнул головой, и, повинувшись его настойчивому взгляду, Даша довела своего знакомого до скамейки, усадила в тени. Боровицкий ослабил узел галстука на шее, расстегнул верхние пуговицы взмокшей рубашки, и Даша заметила, что пальцы у него чуть дрожат.

– Петр Васильевич, – взмолилась она, – давайте я до врача добегу!

– Ерунда, – тихо, но твердо проговорил старик. – Ничего страшного, просто жарко... Да чего уж там – старческое это, Дарья Андреевна, старческое. И никакой врач тут не поможет. Посидим вот пару минут, отдохнем и дальше пойдем.

– Перестаньте геройствовать! – вдруг рассердилась Даша. – Никуда мы с вами не пойдем через пару минут. Будете сидеть здесь, пока окончательно в себя не придете, а потом я вас домой отвезу.

– Ишь вы какая, – усмехнулся Боровицкий. – И на чем же вы меня отвезете? На Проше вашем, что ли?

– Такси вызову и с вами доеду, – отрезала Даша. – Давайте не будем проблему на пустом месте создавать.

– Давайте, – согласился старик. – Тогда лучше всего будет, если вы со мной дойдете до корпуса, потому что у меня там внутри свой уголок имеется.

– Какой уголок? – подозрительно спросила Даша.

– Ма-аленький такой закуточек, – протянул Петр Васильевич. – Управляющая пансионатом, добрейшей души женщина, разрешила мне его для своих нужд приспособить. Там, во-первых, прохладно, а во-вторых, можно полежать.

Даша нехотя согласилась. Медленно, останавливаясь у каждой клумбы, они пошли к дверям пансионата. Солнце поднялось высоко, и Даша с опаской поглядывала на Боровицкого, но тот шел как ни в чем не бывало.

– Кстати, а вот и еще один любопытнейший человек, – обронил старик, наклоняясь над крупными пахучими цветами. – Ради него нам с вами стоит подойти к пруду.

– А далеко идти? – насторожилась Даша.

– Да мы уже почти около него. Вон, смотрите...

Приглядевшись, она заметила ровный круг воды невдалеке. Подошли поближе, и Даша разглядела крохотный искусственный прудик, обложенный по периметру крупной галькой. В прудике плавали маленькие разноцветные рыбешки, а на поверхности колыхались белые цветы.

– Настоящий японский сад! – восхитилась Даша. – Кто за ним ухаживает, интересно?

– Я и ухаживаю, – раздалось из кустов, растущих с другой стороны водоема.

От неожиданности Даша вздрогнула, а Боровицкий довольно ухмыльнулся в усы.

– Добрый день, Виконт, – поздоровался он. – Вы все совершенствуетесь?

– Да уж приходится...

Раздалось кряхтение, и из кустов вылез худой высокий старик лет семидесяти. Вид у него был, по мнению Даши, исключительный: зеленая отглаженная рубашка с короткими рукавами, щегольские светлые брюки, лакированные ботинки... Он отряхнулся, провел рукой по чуть смявшимся брюкам и слегка поклонился Даше.

– Иван Сергеевич, – прогудел старик. – Яковлев. Для друзей и близких – Виконт.

– Дарья Андреевна, – пробормотала Даша, стараясь не думать о том, что Иван Сергеевич делал в кустах.

– Иван Сергеевич, – повернулся к ней Боровицкий, – изучает поведение рыбок. А они, как вы можете заметить, очень пугливы.

– Пока пугливы, – поправил его Виконт. – Просто их недавно привезли, и они еще не успели к нам привыкнуть.

Действительно, при появлении людей рыбки молниеносно исчезли на дне пруда. Даша попыталась понять, что интересного может быть в том, чтобы наблюдать за рыбками, но промолчала. Пока она рассматривала пруд, Яковлев и Боровицкий обсуждали

какую-то статью, написанную, как она поняла, известным журналистом в соавторстве с Петром Васильевичем. Прислушиваясь к их разговору, Даша подумала, что они похожи – те же выражения, та же легкость и непринужденность общения, не имеющая ничего общего с фамильярностью, тот же налет *времени*, придававший старикам сходство с ценными антикварными предметами, а не с рухлядью, у которой давно вышел срок службы.

– В другой раз, друг мой, в другой раз, – прозвучал у нее над ухом голос Боровицкого, и они распрощались с Яковлевым, который тут же полез обратно в кусты.

– Как вы его нашли? – поинтересовался Боровицкий, когда они почти дошли до дверей в здание пансионата.

– Со странностями, – честно призналась Даша. – Но держится с таким достоинством, что просто завидно. А он кто?

– Бывший ректор политеха. Кстати сказать, блестящий математик. Если вы подумали, что он сидит в кустах для своего развлечения, то ошиблись – он записывает траекторию движения рыбок, а затем выводит какие-то закономерности и что-то там доказывает на их основании. Причем ему нужно, чтобы траектория была свободна от воздействия посторонних объектов. Он мне объяснял, но я, признаюсь откровенно, не математик, и способностей моих не хватает на то, чтобы осмыслить его идеи.

– А почему он живет здесь? – удивилась Даша. – Тоже невыносим для своих близких? Мне ваш математик показался приятным человеком.

– Так оно и есть, – кивнул Боровицкий. – Но, видите ли, какая насмешка судьбы: у него, весьма неплохого и, безусловно, интеллигентного человека, есть сын. А тот – вор в законе. Судя по вашему лицу, вы знаете, что сие означает.

Даша ошеломленно кивнула.

– Так сын его сюда и отправил? – едва выговорила она через минуту.

– Ну что вы! – возразил Боровицкий. – Если я правильно понимаю, в тех, скажем так, кругах подобное не принято. Скорее наоборот, там... – старый журналист неопределенно махнул рукой куда-то в сторону ограды. – ...Виконт был бы окружен почетом и уважением. Но вот он сам в силу определенных причин почит и уважение от тех кругов принимать совершенно не хочет. Поэтому определил себя сюда и уже много лет не видел своего родного сына. Вообще-то говоря, если вы вздумаете с ним беседовать, не советую поднимать данную тему – она для него до крайности болезненна. Если я правильно понимаю, он представил себе – и вполне вжился в роль, – что сына у него никогда не было и что на старости лет он остался в одиночестве. Вот, собственно, отсюда и его решение обосноваться в пансионате. В обычной жизни у него ничего не осталось, потому что все свое имущество он распродал и внес в качестве платы на много лет вперед, а здесь у него... – Боровицкий задумался на пару секунд, потом закончил фразу: – А здесь у него есть хотя бы рыбки.

– Петр Васильевич, – поразмыслив, спросила Даша, – а как так получается, что люди столько вам рассказывают о себе? Ведь это такая... личная информация... не знаю... интимная, что ли... А вы ее знаете.

– Эх, Дарья Андреевна! – искренне рассмеялся Боровицкий. – До чего же вы наивны, друг мой. Уверяю вас, стоит только мне упомянуть о своем ремесле, и люди сами начинают рассказывать такие подробности своей и чужой жизни, что мне иной раз неловко становится. Каждый хочет, чтобы его увековечили если не в романе, то хотя бы в рассказе. Я, признаться, иной раз устаю от откровений, а иной раз они меня просто пугают.

– В каком смысле? – не поняла Даша.

Старик немного помолчал.

– Как-то раз, – нахмурившись, продолжал он, – я выслушал признание в соучастии в убийстве. Убийство было совершено давно,

однако соучастник так боялся – уж не знаю чего, – что его страх передался и мне.

– Убийство? – изумленно переспросила Даша. – А кого он убил?

– Не он сам, – поправил ее Боровицкий. – Как я понял, собственная роль того человека была довольно незначительной – ему нужно было только отвлечь жертву. Он даже не знал, отвлекая, что произойдет потом! Так что ни по каким законам признать его виновным нельзя. Уже после убийства он догадался, в чем дело, но признаться побоялся. Так и носил в себе этот страх – перед убийцей, перед правосудием, перед самим собой. И вот когда тот человек, Дарья Андреевна, вылил весь свой страх на меня, как на исповедника, я пожалел о том, что я писатель, можете мне поверить. Между прочим, – прибавил он, чуть подумав, – несчастный панически боялся собак. От вашего Проши мог бы безо всяких шуток упасть в обморок, я такую картину один раз своими глазами наблюдал.

– Его, наверное, пес покусал в детстве, – предположила Даша. – Обычно такие люди потом всю жизнь собак боятся.

– Покусал, – согласился Боровицкий. – Чуть полруки не оттяпал. Да бог с ним, с сердечным, не о нем речь. А о том, что историй разных я знаю и в самом деле очень много, но далеко не все я хотел бы знать. Виконт – не исключение.

Даша обернулась к пруду, но сморщенного старичка было не разглядеть за кустами. Она хотела что-то спросить, но тут за ее спиной проскрипела дверь, и женский голос произнес:

– Добро пожаловать в «Прибрежный». Петр Васильевич, у вас сегодня гостя?

Идя по коридору пансионата, Даша внимательно смотрела по сторонам. Некоторые двери были приоткрыты, и она могла мельком разглядеть комнаты. Это были небольшие аккуратные номера, напоминавшие гостиничные, если бы не мелочи, превращавшие их в чей-то дом: фотографии на полках, маленькие вышивки на стенах,

неожиданные подушечки и пуфики, украшенные цветами из старых атласных ленточек... Почти везде, куда удавалось заглянуть, Даша видела цветы на подоконниках и лишней раз убеждалась, что за деньги можно купить почти все. Во всяком случае, достойную старость – можно. Навстречу им попались несколько служащих пансионата – средних лет женщины в голубой униформе, и все вежливо здоровались с ней и Боровицким.

Лидия Михайловна – управляющая пансионатом, встретившая их у дверей, обсуждала со стариком его новую книгу. Миниатюрная, изящная женщина лет пятидесяти, с внимательными голубыми глазами держалась строго, но учтиво. Дойдя до конца коридора, она попрощалась с Дашей и Боровицким, сославшись на дела.

– Ну, как вам дом престарелых? – поинтересовался Боровицкий, открывая дверь и пропуская Дашу вперед. Она оказалась в маленькой темной комнатке, но Боровицкий раздернул шторы, и сразу стало светло и солнечно.

– Очень впечатляет, – призналась Даша. – Довольно уютные комнаты... цветы...

– Есть и то, чего вы еще не заметили, – например, три смены сиделок и постоянно работающих медсестер и врачей. К тем, кто передвигается на инвалидной коляске, приставлены женщины, которые вывозят постояльцев на прогулку и гуляют по всему лесопарку. В общем, Лидия Михайловна – кстати, фамилия ее Раева – заботится о своих подопечных.

Даша присела на стул и тут заметила на столе маленький плоский ноутбук.

– Да, это мой, – кивнул старик, перехватив ее взгляд. – Я здесь могу работать, так сказать, по горячим следам. Спасибо Лидии Михайловне, которая выделила мне уголок совершенно безвозмездно. Впрочем, она вообще довольно необычная женщина.

– Чем же? – заинтересовалась Даша.

– Лидия Михайловна Раева – человек исключительной доброты.

Даша недоверчиво глянула на Боровицкого, поглаживающего усы: управляющая показалась ей женщиной холодноватой и какой-то отстраненной.

– Да-да, не удивляйтесь, именно доброты. Несколько лет назад у ограды нашли совершенно опустившегося пьянчужку, валявшегося на дороге. Кто-то вызвал милицию, и его непременно забрали бы, если б не Раева – она распорядилась отвести бедолагу в пансионат и привести в порядок. Его немного подлечили, хотя он все равно находится до сих пор в невменяемом состоянии.

– Так он здесь? – поразилась Даша.

– Именно, Дарья Андреевна. Его поселили здесь, потому что он абсолютно одинок. Но представляю, какой бой пришлось выдержать Лидии Михайловне с учредителем, чтобы отстоять Ангела Ивановича.

– Кого? – не поняла Даша.

– Ангела Ивановича. Так здесь того бомжа прозвали. Он совершенно безобиден и по-своему очень мил, хотя, конечно, сумасшедший. Иногда начинает что-то вспоминать из своей прошлой жизни – реальной или выдуманной, – и тогда слушать его очень интересно.

– Петр Васильевич, а чем вы так очаровали управляющую? – подумав, спросила Даша.

– А с чего вы взяли, дорогая моя, что я ее очаровал? – усмехнулся Боровицкий.

– Хотя бы вот с того, – и Даша широким жестом обвела комнатку. – Вы же сами говорите, что пансионат частный. Значит, он должен быть закрыт для посторонних. А вы здесь работаете, вам комнату выделили... И меня с вами так легко пропустили, не спросив ни о чем. А, поняла! – высказала она неожиданную догадку. – Вы, наверное, что-то вроде заказного материала пишете, правильно? И хозяева пансионата в вас заинтересованы?

– Ну что вы, любезная моя Дарья Андреевна, – возразил Боровицкий с наигранной обидой в голосе. – Как вы могли так плохо

обо мне подумать! Нет, дело вовсе не в заказном материале, который я, конечно же, не пишу. Дело в другом.

– В чем же?

– Понимаете, меньше всего хозяева пансионата заинтересованы в том, чтобы их заведение было разрекламировано. Потому что где реклама – там и известность, а где известность – там и слухи. Клиентов у пансионата и так предостаточно, без пациентов они не останутся. А вот лишние разговоры и интерес прессы, к примеру, могут только помешать. Начнут говорить, что люди деньги на стариках делают или еще что-нибудь похуже. Сами понимаете, что поле для таких разговоров самое что ни на есть благодатное.

– А разве вы сами – не та же пресса? – недоуменно спросила Даша.

– Ни в коем случае! Я здесь в качестве писателя, а не журналиста. В газетах отрывки из моей книги никогда не появятся, а если бы и появились – что с того? Я о людях пишу, а не о каком-то пансионате, пусть даже и тысячу раз частном. В то же время учтите, Дарья Андреевна, при желании я мог бы такую шумиху поднять вокруг «Прибрежного»! Связей моих, наработанных за долгую жизнь, с лихвой бы хватило. О чем я честно и предупредил нашу милейшую Лидию Михайловну.

– По-моему, это называется шантажом, – рассмеялась Даша.

– А по-моему, это называется «показать противнику все карты». Для Раевой было проще пустить меня сюда и обеспечить все условия, чтобы я поскорее избавил ее от своего общества, – подмигнул Боровицкий, – чем не пустить, а потом объясняться с учредителями по поводу неожиданного интереса журналистов к сему богоугодному заведению. Вот потому я здесь. Да и вообще она старается мне потакать в моих старческих писательских капризах. Вот вас разрешила привести... Может быть, надеется, что с вашей помощью я допишу наконец свою рукопись. И в чем-то она права. Хотя, откровенно говоря, я очень быстро устаю, – с

обезоруживающей улыбкой признался Боровицкий. – Что поделаешь – старость, старость... И вообще... все чаще ощущаю себя мангустом.

– Почему мангустом? – изумилась Даша. Меньше всего Боровицкий был похож на подвижного маленького хищника.

– Ну не павианом же, – усмехнулся тот. – Шучу, шучу. Просто знаете, Дарья Андреевна, много лет назад довелось мне жить в Кении. И мой приятель – Мишка Рогожин – завел себе там мангуста. Уж не помню, где он его взял, – должно быть, попросту купил на рынке, но зверюшка была презабавная. Диком ее прозвали. Так вот Мишка, выдумщик большой и изобретатель в домашних масштабах, соорудил маленькую карусель. Маленькую – но полностью действующую: то есть переключаешь рычажок, и она начинает довольно быстро вертеться минуты две или три. Поначалу Рогожин забавлялся своей игрушкой просто так, но скоро ему приелось, и он придумал вот что: посадил на карусель мангуста, Дика. Привязал и включил. Конечно, издевательство чистой воды, но мы тогда были молодые и злые. Хм, а сейчас стали старые и злые... но это так, лирическое отступление... Несчастный мангуст через две минуты вышел с карусели существом с нарушенной психикой и координацией. Но, представьте себе, развлечение ему понравилось! И более того – зверек к нему пристрастился, как к наркотику. Но вот к ощущениям после карусели – когда у него, видимо, голова кружилась и он прямо идти не мог, – к тем ощущениям так и не привык. И страдал, я полагаю. Но перед тем, как карусель останавливалась, испытывал бог его знает какие чувства. Может, думал, что летает? Я не знаю.

– А где он сейчас? – спросила Даша.

– Мангуст-то? Да умер, разумеется. Причем смерть его была, можно сказать, поучительна: разорвался ремешок, которым Рогожин своего мангуста привязывал, и тот вылетел из крутящейся карусели, врезался в стену и расшибся насмерть. Мишка в тот же день карусель сломал и выкинул. Вот так-то.

Петр Васильевич посидел немного молча, вспоминая о чем-то, потом качнул головой и поднялся.

– Ну что ж, Дарья Андреевна, давайте собираться. Вас уже Проша заждался, а у меня сегодня, чувствую, работа не пойдет.

Боровицкий проводил ее до выхода, они попрощались, и Даша побежала к Проше. Пес спокойно спал под кустом, время от времени дергая во сне лапами. Даша разбудила его, и они двинулись к выходу с территории пансионата, но тут ей пришло в голову, что нужно узнать у Боровицкого день следующей встречи, чтобы не заставлять того лишней раз ходить к дуплу. Она быстро вернулась обратно, но старика в комнате уже не было. В растерянности Даша, выйдя на крыльцо, завертела головой, не понимая, куда он ушел, и увидела знакомую фигуру слева от корпуса. Даша побежала туда и завернула за угол как раз вовремя, чтобы увидеть Боровицкого – тот сел в новый темно-синий «БМВ». Встав от удивления столбом, Даша смотрела, как он небрежно достает ключи, как открывает дверцу и садится на водительское место, как машина мягко трогается с места и быстро набирает скорость, исчезая за соснами.

Боровицкий давно уехал, а она все стояла на месте, ощущая, как тычется ей в ладонь мокрый нос ничего не понимающего Проши.

* * *

«Ну что ж, первая часть плана выполнена: я нашел человека, который был мне необходим. И если бы я верил в судьбу, то сказал бы, что он – подарок судьбы, настолько своевременным было его появление. Меня уже подгоняет время – то самое, про которое банально говорят „неумолимое“. Оно действительно такое, пусть определение и звучит так банально.

Осталось выполнить вторую часть, а она не менее важна, чем первая. От того, удастся ли мне по своему вкусу выбрать облик милой, но несговорчивой дамы с косой, зависит слишком многое – для

меня, пожалуй, больше, чем жизнь. Потому что смерть куда важнее. Смерть, которая ходит за мной по пятам так непринужденно, что временами мне становится смешно. И то, что это смех обреченного, ничего не меняет».

Ирина Уденич, много лет назад

Муж ушел от Ирины после того, как она удочерила Танюшу. Конечно, на самом деле они давно не были мужем и женой, но такого решительного шага Ирина от него не ожидала.

– Все, Ирина, ты как хочешь, а я ухожу, – заявил, пряча глаза, Генка в тот вечер, когда Танька устроила первый большой скандал после приезда из детского дома.

– А меня с собой не прихватишь? – просительно протянула Ирина и, когда Генка поднял на нее изумленные глаза, от души расхохоталась. «Вот дурак, а? Нет, таких дураков – еще поискать!» – Да ладно тебе, чего вылупился? – с нескрываемым презрением сказала она. – Иди куда хочешь, никто тебя здесь не держит.

Но на самом деле она была немного удивлена – надо же, такой слизняк, а решился уйти. Да ведь куда уйти-то – к своей дряхлой мамаше, которая всю жизнь его со свету сживала! Ирина была невысокого мнения о муже, еще когда выходила за него: да, собственно, и вышла-то только потому, что ребеночка очень хотелось. А, кроме Генки, никто ей руку и сердце не предлагал: Ирина была крупная, тяжеловесная, с мужскими повадками, в общем, что называется, девушка на любителя. Генка и оказался таким любителем. Однако, если Ирина знала, за кого выходила замуж, то вот для Генки их семейная жизнь оказалась большим сюрпризом. Неприятным.

Ирина родила Павлика ровно через девять месяцев после свадьбы. К ее огромному горю и стыду, родила не сама – ей сделали кесарево сечение. «Да я ж не смогу родить больше! – убивалась

Ирина после операции. – Что ж я за мать такая?!» На ее рев прибежала пожилая медсестра, сунула ей стакан воды и, пока роженица, клацая зубами о его холодные граненые стенки, заглатывала в себя воду, сказала, словно отрубил:

– Дура ты! Мать не та, которая родить может, а та, которая воспитала. Интересно, тех, что рожают, а потом бросают, тоже матерями называть надо, а?

Ирина подняла на нее заплаканные глаза, сглотнула и попросила жалобно:

– Ребеночка можно посмотреть?

– Через полчаса посмотришь, – отрезала медсестра. – И чтоб никакого рева больше. Всполошишь нам всех рожениц.

Когда Генка увидел сына, туго запеленатого в пеленку и обернутого сверху какими-то одеялами с рюшами, он удивился. Ребенок оказался такой маленький, как... как шматок свинины на рынке. И был примерно такого же насыщенного красно-розового цвета. Тем удивительнее было для Геннадия, что с этим шматком Ирина носится как с писаной торбой – с рук его не спускает, сюсюкает и даже спать кладет не в приготовленную кроватку, позаимствованную у приятелей, а к ним в постель.

– Ирк, ты б того, убрала бы его... – робко заикнулся Генка. – Вон у него место хорошее приготовлено, у стеночки, в кроватке...

Ирина в ответ так взглянула на супруга, что Генка больше с подобными инициативами не выступал. А постепенно ему пришлось смириться и с тем, что уставшая Ирина наотрез отказывала ему в близости. Генка с тоской смотрел на сопящего в их кровати младенца и ждал того времени, когда ребенок подрастет и можно будет отправить его в собственную кровать.

И такое время действительно настало. Когда Павлику исполнилось два годика, Ирина сама стала приучать сына спать отдельно. А спустя день после того, как Павлушечка первый раз спокойно проспал в своей кроватке всю ночь, сказала Генке за завтраком:

– Ген, я тут вот что решила... Рожать мне самой врачи пока не велят – говорят, нельзя после кесарева так быстро. Так что давай мы с тобой ребеночка усыновим.

Генка так опешил, что даже не нашелся что ответить. Он молча смотрел, как жена плюхает овсяную кашу себе в тарелку, и, только когда она с аппетитом отправила в рот первую ложку, выдавил:

– Ирк, а зачем?

– Как – зачем? – строго глянула на него та. – Потому что самой мне рожать нельзя, я ж тебе сказала. Не слышал, что ли?

– Слышал, – пробормотал Генка, тщетно пытаясь придумать вопрос получше.

Но вопрос не придумался, и спустя полгода в их семье появился Ваня. А за ним – Игорек. А через год после Игорька – Танюша. И вот на Танюше Генка не выдержал, ушел, оставив Ирину с детьми. Впрочем, она не особо расстраивалась: всегда знала, что бабы сильнее мужиков и куда больше выдержать могут. К тому же с ней был ее любимый Пашенька, Павлик, Павлушечка – радость ненаглядная, солнце ясное.

Ирина честно признавалась себе, что родного сына она любит больше, чем приемных, хотя людям всегда говорила другое. Даже не то чтобы больше – по-другому. Павлушу она любила всего, целиком, со всеми его капризами и баловством, любила до обожания, хотя и старалась это скрывать. А Ваньку и Игоря Ирина любила за хорошее, что в них было: за то, что умненькие, за то, что храбрые... Ванюшка всегда был любопытным, как котенок, а Игорек целыми часами мог один играть, не дергая мать по пустякам. Но той животной любви, которую она испытывала к Павлику, Ирина к ним не чувствовала, как ни старалась.

Именно поэтому следующей она взяла девочку, а не мальчика. Очень надеялась, что с девчонкой выйдет по-другому, что сможет любить ее не за что-то, а просто так. И вышло действительно по-другому, но вовсе не так, как ожидала Ирина.

Мальчишек она усыновляла маленькими – Ванюше исполнилось три, Игорьку два года. А Танюше было почти пять, когда Ирина увидела ее в детском доме и решила взять. Уж очень она казалась жалкой – маленькая, тощенькая, стриженная, с каким-то застывшим взглядом. Первые два дня после приезда домой девочка сидела, забившись в угол в зале и выходя из него только в туалет или поесть. На ночь Ирина взяла ее с собой в постель, но девочка шла неохотно, обнимать себя не давала, а утром Ирина обнаружила ее спящей на полу.

Первый скандал Таня устроила на третий день – это была суббота. За завтраком она внезапно стала хватать с чужих тарелок еду и быстро-быстро запихивать себе в рот. Игорь с Ваней подняли рев, а Ирина строго сказала:

– Танюша, перестань. Еды на всех хватит.

Девочка словно не слышала ее. Она давилась бутербродами с вареньем, откусывая от каждого по огромному куску, потом схватила из масленки масло. Масло Ирина у нее отобрала, и вот тут Таня выскочила из-за стола, бросилась на пол и, истошно крича, начала бить ногами и руками.

Генка молча вышел, за ним потянулись мальчишки, а Ирина попыталась успокоить девчонку. Но не тут-то было – Таня не успокаивалась. Она рыдала, кричала, визжала что-то невнятное, и в конце концов в дверь начали звонить соседи. Ирина гладила девочку, прижимала к себе, но та в ответ только царапалась и вырывалась. В конце концов Ира оставила ее в покое и вышла из комнаты, однако Таня выскочила за ней следом и промчалась по квартире, сбивая все, что попадалось на пути. Когда она сбила с полки любимый Павлушин корабль, который он сам склеил, Павлик попытался толкнуть девочку, но она в ответ сильно укусила его за руку. Из прокушенной руки потекла кровь, Павлик заорал.

Этого Ирина не выдержала. Она дала взбесившейся девчонке хорошего шлепка, потом встряхнула ее пару раз и рывкнула от души.

Младших мальчишек быстро выпроводила гулять с Генкой, а сама бросилась промывать руку Павлуше и останавливать кровь.

Когда она вернулась в комнату, Таня сидела в углу, закрыв глаза и заткнув уши, и раскачивалась. Время от времени она издавала звук, похожий на тихий вой. Ирина подошла к девочке и погладила по стриженной колючей голове. Таня даже не открыла глаз.

Вот после этого Генка и объявил, что уходит. Да бог с ним, Ирине от него не было ни тепло, ни холодно. А вот что делать с Таней, она не знала.

Девочка становилась несноснее день ото дня – кусалась, царапалась, могла орать три-четыре часа подряд... И беспрестанно запихивала в себя еду. Ирине пришлось прибить на кухонную дверь задвижку на такую высоту, чтобы Таня не могла сама открывать ее. Глядя на девочку, Ирина с ужасом чувствовала, как у нее исчезает жалость, заменяясь глухим, растущим изнутри раздражением.

Мальчики стали бояться Таню, даже Павлуша, который был на три года старше. Ирина с негодованием наблюдала, как он отшатывается от девочки, когда та проходит мимо, но потом поняла – мальчик опасается не зря. Таня оказалась агрессивна, как дикий зверек, и без предупреждения толкала или била ребят любым попавшим под руку предметом. После того как она ударила Ваню по голове феном, который Ирина случайно забыла в ванной, Ирина как следует отшлепала девочку. Таня опять забилась в угол, опять выла и раскачивалась, а Ира с тоской смотрела на нее из-за двери.

На следующий день она отвела Таню к врачу. Врач искренне удивилась: «Что же вы хотите, детдомовский ребенок, к тому же уже большой!» Однако прописала какие-то желтенькие таблеточки, которые Ирина немедленно купила в аптеке. Дома прочитала в инструкции перечень побочных эффектов и выкинула лекарство в мусорное ведро. А через два часа, после очередной Таниной истерики, достала таблетки и дала девочке половинку, как прописала врач.

Так прошел месяц.

Спустя месяц Ирина призналась самой себе, что сделала страшную ошибку, удочерив этого ребенка. Если бы она могла вернуть ее, то сделала бы так не задумываясь. Но Ирина не могла. Она представляла, как будут смотреть на нее тетки из комитета по опеке и попечительству, и внутри у нее все переворачивалось. Нет, отказываться нельзя! Она всегда считала мразью людей, которые сначала усыновляли, а потом возвращали детей. Оказаться такой же мразью самой? Никогда!

Но ей невыносимо хотелось избавиться от девчонки, которая сделала ее жизнь, а главное, жизнь ее детей невыносимой. Ирина с ненавистью смотрела на стриженного ребенка, раскачивающегося с подвываниями. Временами ей хотелось засунуть кляп в маленький рот, который либо кривился в крике, либо открывался, как клюв прожорливого птенца, чтобы вместить новые и новые порции еды. Ирина пару раз ловила себя на мысли о том, что ей хочется накрыть Таню ночью подушкой, чтобы утром проснуться в тишине, а не под дикие крики девочки и рыдания испуганных мальчиков. Она с ужасом отгоняла от себя такие мысли, но они неотвязно возвращались. Ирина хотела освободиться от отвратительного дикого звереныша, которого не приводили в норму никакие таблетки.

Перелом наступил спустя две недели после того, как Ирина убрала подушку из своей кровати и стала приучать себя спать на простыне. Проснувшись рано утром, она увидела, что девочка сопит у нее под боком, прижавшись к Ирине худеньким тельцем – первый раз за полтора месяца. Она провела по Тане рукой и ощутила под пальцами тонкие дуги ребер. «Господи, да что же я?! – вдруг ужаснулась она самой себе. – Она ведь такой же ребенок, просто замученный! А я к ней, как к дикому зверю...»

В порыве раскаяния она обняла девочку и прижала к себе. Проснувшаяся Танюша сначала расплакалась, но удивительно быстро успокоилась, посопела носом и опять уснула, по-прежнему доверчиво прижимаясь к Ирине. А Ирина так и лежала без сна,

ласково проводя рукой по отрастающим волосам девочки и думая о том, что теперь все наладится. Потихоньку наладится.

Глава 3

За следующие два дня Даша поняла, что удивление ее было совершенно беспочвенным – ведь если подумать, Боровицкий никогда не говорил, что он беден, как церковная мышь. Ее собственные стереотипы сыграли с ней злую шутку: он был, во-первых, старым, во-вторых, писателем, причем неизвестным, во всяком случае, для нее. Для Даши любой неизвестный широкой публике творческий человек был обречен на то, чтобы влачить жалкое, полунищенское существование, питаясь сухой корочкой и запивая ее прокисшим молоком, украденным из ближайшего продовольственного магазина. Пришлось подкорректировать свои представления, и Даша поделилась размышлениями с мужем. Максим отреагировал неожиданно.

– Дашка, ты хоть понимаешь, какую роль играешь при своем аббате Фариа? – спросил он агрессивно за ужином, откладывая в сторону недоеденный кусок отбивной, чего с ним отродясь не случалось.

– Какую? – заинтересовалась Даша.

– Роль Ватсона, которая, по моему глубокому убеждению, совершенно идиотская. Понятно, зачем он нужен был Конан Дойлу – задавать те кретинские вопросы, которые задавал бы сам читатель. Но в жизни-то зачем он нужен? Исключительно чтобы подыгрывать талантливому, неординарному человеку. Создавать, знаешь ли, фон. Серенький такой фон, неброский.

– Максимка, тебя какая муха укусила?

– А тебя? – огрызнулся он. – Ты хоть раз себе задавала вопрос: с чего, собственно, твой писатель возится с тобой, встречается, записочки пишет?

– Да чего ты взъелся на него? – удивленно спросила Даша и уселась за стол. – Ему просто хочется с кем-то поговорить, а я хороший слушатель. Ему вообще люди интересны, и он в них

прекрасно разбирается. Петр Васильевич случайно познакомился со мной, нашел благодарного слушателя – вот и общается. Что тут плохого?

– Интересно, – саркастически поинтересовался Максим, – почему на роль безголового Ватсона или, если тебе так больше нравится, благодарного слушателя он выбрал симпатичную женщину, а не старую костлявую развалину вроде него самого?!

Пару секунд Даша смотрела на Максима, а потом откинулась на стуле и расхохоталась. Максим насупился, демонстративно отставил тарелку и вышел из-за стола. Даша, продолжая смеяться, выскочила за ним следом, поймала в коридоре и прижалась к широкой спине мужа.

– Милый мой, да ты просто ревнуешь! Максимка, глупости какие, боже мой!

– Глупости, как же... – недовольно хмыкнул супруг, не оборачиваясь. – Я от тебя последний месяц только и слышу, какую очередную умную мысль выдал твой Боровицкий и как хорошо вы с ним сегодня гуляли. Седина в бороду, знаешь ли...

– Да перестань ты! – Даша с силой развернула мужа, который особенно и не сопротивлялся, и заставила себя обнять. – Боровицкий – чудный старик, но я ему в дочери гожусь! И никакой сединой в бороду там и не пахнет, уж я-то, милый, в таких вещах разбираюсь. Так что перестань выдумывать и иди доедай, пока все окончательно не остыло.

Слегка повеселевший Максим вернулся на кухню, пожевал немного и задумчиво предложил:

– Слушай, Дашка, если твой старикашка не питает по отношению к тебе грязных и далеко идущих намерений, то пригласи его к нам поужинать или пообедать в выходной. Мне, в конце концов, тоже любопытно с ним пообщаться. Да и вообще...

Что там «вообще», Максим не договорил, но Даша согласно кивнула. Боровицкий был в курсе ее семейной жизни и пару раз сам говорил, что ему интересно было бы посмотреть на Дашину дочь.

Даша решила, что на следующие выходные обязательно пригласит Петра Васильевича к себе.

Однако на другой день она совершенно забыла о своем решении. Боровицкий был очень оживлен, много смеялся, и Дашина тревога по поводу его здоровья быстро рассеялась. Прогуливаясь в дальней части парка, они по очереди бросали Проше подобранные ветки, и пес с низким, утробным рычанием расправлялся с каждой из них.

– Умница он у вас, – заметил Боровицкий, любуясь собакой. – Я и сам о таком мечтал когда-то, да вот аллергия на собак не позволила. Смотрите-ка, Дарья Андреевна, а вон очередной персонаж моих литературных наблюдений... Только что он здесь делает?

Даша присмотрелась и на узенькой заросшей тропинке увидела маленького человечка, который, странно переваливаясь с ноги на ногу, шел к ним. На макушке у человечка была лысина, совершенно круглая и блестящая, но вокруг нее поднимались, словно пух одуванчика, реденькие, просвечивающие насквозь волосики. На лице старичка играла странная, задумчивая полуулыбка.

– Местный сумасшедший? – настороженно спросила Даша. Старичок показался ей издали безобидным, но вот его улыбочка... Никогда не знаешь, чего ждать от сумасшедших.

– В общем-то, если быть откровенным, да, сумасшедший, – согласился Петр Васильевич. – И я вам про него, кстати говоря, рассказывал. Это Ангел Иванович – тот самый найденыш Раевой, которого она приютила в «Прибрежном». Но он совершенно безобиден. Да вот вы сейчас сами увидите.

Тем временем старичок подошел к ним, присел перед Дашей в какой-то пародии на книксен и негромко рассмеялся.

– Здравствуйте, Ангел Иванович, – произнес Боровицкий, внимательно вглядываясь в старичка. – Познакомьтесь, пожалуйста: это мой друг, Дарья Андреевна. Мы с ней прогуливаем собаку. А вас каким ветром сюда занесло?

– За водичкой пошел, за водичкой, – проблеял старичок, неопределенно помахав рукой куда-то за спину. – А водички-то и

нету! Вот как. Хожу-хожу, а водички-то и нет!

– Пойдемте, Ангел Иванович, мы вас отведем, – мягко сказал Боровицкий, приобнимая старичка за плечи и разворачивая в сторону пансионата. – Вы там и водичку найдете, и отдохнете немножко.

– Да не хочу я туда! – плаксиво пожаловался старик. – Там ведь решетки, через них не перелезешь. Думал-думал, как убежать, – а вот никак и не убежишь. А если и сможешь – ведь найдут с собаками, разыщут, и еще хуже будет!

Даша посмотрела на Боровицкого, но тот только задумчиво покивал, словно в ответ своим мыслям.

– А я по картошечке соскучился, – продолжал старичок, покачивая в такт шагам головой с венчиком легких волос. – Просил-просил – не дают картошечки! Уж и поварих упрашивал, и мою хозяйшку – ан нет, не дает. Смотрит так, с улыбкой – и не дает. А я ведь ее, картошечку-то, так люблю!

Он заныл что-то себе под нос, и Боровицкий с Дашей ускорили шаг. Сзади к ним подбежал Проша, обнюхал незнакомца, но Ангел Иванович не обратил на пса внимания – он что-то напевно бормотал себе под нос, и изредка в его речи угадывались слова «картошечка», «водичка», «обидели». Наконец они подошли к воротам пансионата, откуда навстречу им выбежала медсестра с красным лицом, всплескивая руками.

– Ангел Иванович нашелся! Слава тебе господи! Уж весь пансионат на уши поставили, всех перетрясли. Что же ты, миленький мой, – запричитала она, обращаясь к старичку, – нас всех напугал, а? И Лидию Михайловну, и Тонечку. Она вроде бы и присматривала за ним, – объяснила женщина Даше и Боровицкому, – а только отвернулась – он и исчез, как сквозь землю провалился. Где вы нашли-то его?

– В лесу, неподалеку отсюда, – ответил Боровицкий, не отводя взгляда от Ангела Ивановича, который начал потихоньку

приплясывать на месте. – Он по дороге жаловался, что ему картошки не дают.

Даша в это время укладывала Прошу под кустом, чтобы он не мешался, и медсестра бросила на нее быстрый взгляд. Потом махнула рукой:

– Да бог с вами, что вы! Все им дают, что ни попросят! А то, что жалуются они, – так ведь все жалуются, вы-то уж, наверное, знаете. Ладно, поведу я его в корпус, обрадую Лидию Михайловну.

Она взяла Ангела Ивановича за руку и быстро повела его, упирающегося, за собой. Пройдя десяток шагов, тот вдруг остановился, резко вырвал руку и с неожиданной прытью кинулся обратно. Подбежав, он бросился обнимать Боровицкого, быстро приговаривая:

– Спасибо, спасибо тебе! Ты один, один заступился! Ты уж не оставляй меня одного, ладно?

– Не оставлю, не оставлю, – торопливо пообещал Боровицкий и попытался высвободиться.

Но Ангел Иванович крепко сжимал его в объятиях и бормотал что-то уж вовсе невнятное. Со стороны эта сцена – маленький старичок, висящий на высоком и худом, – наверное, казалась смешной, но Даше было не до смеха. Что-то невыносимо жалкое было в несчастном сумасшедшем, с трогательной доверчивостью и отчаянием цепляющемся за Петра Васильевича. Подбежавшая медсестра оторвала наконец своего пациента и увела его в корпус. Боровицкий потер шею, ослабил галстук и опустился на скамеечку.

– Что, господин Боровицкий, обзаводитесь новыми друзьями? – раздался сбоку язвительный голос.

Даша вздрогнула от неожиданности и обернулась. Около скамейки стоял, постукивая по ноге зонтом, очень высокий жилистый старик с кривым носом, похожим на клюв. Под густыми седыми бровями прятались маленькие прищуренные глаза, смотревшие откровенно недобро. «Персонаж из триллера», –

мелькнуло в голове у Даши. Она ожидала, что Петр Васильевич поздоровается и представит ее, как обычно, но Боровицкий молчал.

– Правильно, – усмехнулся кривоносый старик. – Давай ты еще и оглохнешь. А ты, я смотрю, ученицу себе нашел на старости лет? Как был ты кобель, так им и остался – все через баб делаешь!

– Да как вы смеете! – задохнулась Даша от возмущения, поняв, что речь идет о ней.

– Дарья Андреевна, не обращайтесь внимания, – остановил ее Боровицкий. – Господин Горгадзе только того и добивается, чтобы вы вышли из себя. Не доставляйте ему такого удовольствия.

Не говоря ни слова, Горгадзе обошел их по тропинке, но, проходя мимо Боровицкого, внезапно взмахнул зонтом, пытаясь ударить того по голове. Даша отреагировала молниеносно – перехватив рукой зонт, удар которого оказался совсем слабым, она дернула его на себя. Горгадзе выпустил зонт, и тот оказался в руках у Даши. Ситуация была глупой: возвращать зонтик владельцу она не собиралась, бить его – тем более. Но с зонтом нужно было что-то делать! Даша отбросила его в сторону и осталась стоять, настороженно глядя на крючконосого старика.

– Совсем спятил? – спросил Боровицкий, и Даше стало не по себе от ледяного презрения в его голосе. – Были бы камни, так ты бы меня камнями закидал?

– Был бы у меня кнут, я бы знал, что с ним делать! – прошипел в ответ старик, бросив на Дашу ненавидящий взгляд. – И с тобой, и со шлюхой твоей.

Он подошел к зонту, поднял его и, не оборачиваясь, быстро пошел по тропинке.

– Простите меня, Дарья Андреевна, – сказал Боровицкий Даше, которая мысленно давала себе обещание больше никогда не приходить в столь дикое место лесопарка. – Я как-то не подумал о возможности такой встречи, хотя должен был ее предвидеть.

– Да нет, все в порядке, – пробормотала Даша, с трудом приходя в себя после произошедшего. – А кто это такой? И почему он вас так

ненавидит?

Боровицкий невесело усмехнулся.

– О, история совсем простая. Игорь Кириллович Горгадзе, про себя его называю «творческая личность», болен, причем давно и неизлечимо. У него был выбор – либо провести остаток жизни в больнице, либо здесь. Вы сами видите, что он выбрал.

– А вы здесь при чем? – спросила внимательно слушавшая Даша.

– При том, что я тоже творческая личность, – невесело усмехнулся Боровицкий. – Мы с этим господином пару раз пересекались в его прошлой жизни, и я видел образцы его творчества. Не сочтите за грубость, но – бред сивой кобылы. Причем бред, выдаваемый за нечто новое, чего еще никто до господина Горгадзе не писал. Назвал он свои произведения фантастической поэзией в прозе. Я из всех его опусов запомнил только одну фразу: «В момент духовно-творческого экстаза возникают квазифаэзы сущего». Вот сколько лет прошло, а сидят в голове его дурацкие квазифаэзы, причем сущего, и все тут! – Петр Васильевич замолчал, припоминая что-то, потом встрепенулся: – Да, так я отвлекся. В общем, когда я здесь появился, он меня узнал и воспылал ко мне ненавистью, замешенной, как вы понимаете, на зависти. Боже упаси от такой гремучей смеси! Прибавьте сюда его нереализованные творческие амбиции плюс тяжелую болезнь – и вам многое станет понятным. Ну и к тому же я повел себя при первой нашей встрече не совсем деликатно – попытался не обращать на него внимания, что для него – как нож по горлу, ведь он же всю свою жизнь только и делал, что безуспешно пытался привлечь к себе внимание. Есть и еще один момент, совсем уж нелепый и притом интимный. В пансионате живет милейшая женщина – некто Красницкая, я вас с ней познакомлю при случае. Господин Горгадзе за ней не то ухаживал, не то собирался ухаживать, а тут появился я. И как любой новый человек в таком небольшом и, по сути, замкнутом коллективе, возбудил всеобщий интерес. А уж с Красницкой мы вообще много времени провели в беседах. Вот это, я полагаю, и стало последней каплей – Горгадзе в

отношении меня стал совершенно невменяем. Да вы и сами видели...

Боровицкий вздохнул, покачал головой, и некоторое время они сидели молча. Потом Даша попрощалась и побрела за Прошей, обдумывая рассказ Петра Васильевича. Какая-то в нем была несостыковка. Что-то царапнуло слух, как неверно взятая нота, но что именно, она никак не могла уловить. Даша покачала головой, погладила Прошу по лоснящейся черной шкуре и быстро пошла к выходу из лесопарка, не замечая, что вслед ей смотрят две пары внимательных глаз.

– Лидия Михайловна, разрешите?

В дверь просунулась голова главврача.

– Да, Борис, входите.

Раева с неудовольствием посмотрела на Денисова. Ну как можно так себя запускать! Животик свисает, верхняя пуговица рубашки расстегнута, да и саму рубашку не мешало бы погладить. А ведь у человека жена есть! Еще и небрит...

– Что-то случилось? – поинтересовалась она, видя, что Денисов молчит.

– Не то чтобы случилось, Лидия Михайловна, – замялся главврач.

– Тогда в чем дело?

– Да писатель, Боровицкий...

– Что с ним? – резко спросила Раева.

– Он по всему пансионату таскает за собой какую-то дамочку. Вы с ней, по-моему, уже познакомились...

Денисов вопросительно посмотрел на управляющую, но лицо той было совершенно непроницаемо.

– В общем, не нравится мне все это, – выпалил он в конце концов.

– Что именно вам не нравится, Борис? – уточнила Лидия Михайловна.

– То, что они пытаются тут что-то разнюхать. С пациентами разговаривают, смущают их. Десять минут назад Горгадзе вывели из

себя, он чуть сознание не потерял. Прибежал ко мне – у него пульс зашкаливает! В общем, подозрительно. Что за дамочка? Может быть, журналистка, а вы сами знаете, какие сейчас журналисты пошли. Что-нибудь выведывают, и давай в газеты расписывать! А нам с вами скандалы ни к чему.

– Вы полагаете, у нас есть что выведывать и разнюхивать? – вскинула брови управляющая. – И какие могут быть скандалы, связанные с нашим пансионатом?

Денисов замолчал и пристально посмотрел на нее. Но лицо Раевой оставалось по-прежнему непроницаемым, и он стушевался.

– Да я... в общем-то, просто так... – забормотал он. – Предупредить хотел... А то мало ли что...

– Спасибо за заботу. – В голосе Лидии Михайловны прозвучал едва уловимый сарказм. – Думаю, ничего страшного от визитов этих посетителей не случится.

Главврач кивнул и бочком протиснулся в дверь. Раева подошла к окну и внимательно осмотрела все скамеечки, на которых грелись ее подопечные.

– И потом, – задумчиво произнесла она вслух, словно продолжала разговаривать с Денисовым, – была ли у нас возможность отказать Боровицкому в его просьбе? Вот в том-то все и дело...

Лидия Михайловна причесала перед зеркалом волосы, поправила брошь на блузке и вспомнила, что Ангел Иванович сегодня каким-то образом ухитрился пройти мимо охраны и спрятаться в лесопарке. Охранник клялся и божился, что не пропускал никого из пациентов в лес. Значит, старик нашел какую-то лазейку.

Раева вызвала двух охранников и приказала тщательно исследовать ограду вокруг всей территории пансионата.

Глава 4

Уже ложась спать, Даша вспомнила, что забыла пригласить Боровицкого в гости. «Ладно, приглашу завтра, – решила она. – Главное, чтобы он пришел». К тому же Олеська принесла из школы пару историй, которыми Даше не терпелось поделиться с Петром Васильевичем, – у нее вообще вошло в привычку пересказывать ему какие-то забавные мелкие происшествия или советоваться по разным поводам.

Однако на следующий день лил такой сильный ливень, что они с Прошей просидели все утро дома. А в среду ее опять попросили провести занятие у Барсуковых с утра. На сей раз Инны Иннокентьевны в квартире не было, поэтому урок вышел если не образцово-показательным, то просто хорошим. В четверг тучи над Москвой и Подмосковьем наконец разошлись, и обрадованная Даша побежала в лесопарк, надеясь увидеть Боровицкого на старом месте. Но под сосной было пусто. Немного огорчившись, Даша полезла в дупло и сразу наткнулась на записку. Пару раз она прочитала ее и повела взглядом вокруг. День, назначенный Боровицким для встречи, был четверг.

«Заболел, – мелькнуло в голове у Даши, – или опаздывает». Но последнюю гипотезу она сразу же отмела – за все то время, что они встречались, старик не опоздал ни разу, он всегда ждал Дашу, приходя к сосне до десяти часов. Растерянно поглаживая Прошу по гладкой голове, она обругала себя за то, что за все время знакомства не догадалась попросить номер телефона. И тут же с укором сказала себе: «А ведь он на прошлой неделе плохо себя чувствовал...»

Она пошла с Прошей в сторону пруда, но на душе оставалось как-то беспокойно – даже прогулка по солнечному лесу не доставляла ей никакого удовольствия. «Надо же, – размышляла Даша, – ведь гуляю же я без Боровицкого три раза в неделю, и ничего, а стоило ему один раз не прийти в обещанный день, как тут же настроение

испортилось». Она обошла пруд безо всякой охоты, свернула на какую-то дорожку и побрела по ней, не замечая, куда идет. Но когда через пятнадцать минут перед ней показался светло-голубой корпус за оградой, она почти не удивилась. «Может быть, Раева даст мне его телефон?» – подумала она, проходя в ворота и беря пса на поводок.

Быстро идя по асфальту, Даша отметила, что сегодня на скамейках никого не видно, хотя день ясный. Боровицкий как-то говорил ей, что у пансионата вполне приличная охрана, которую Раева разместила особенным образом – так, чтобы ни одного охранника не было видно. Объяснялось это тем, что старики должны чувствовать полную свободу перемещения. Потому он тогда так и удивился, обнаружив Ангела Ивановича бродящим одиноко в лесопарке. Только сейчас Даша обратила внимание на маленькую будочку у входа, увитую зеленью, в которой, наверное, и должен сидеть охранник. Но в будке было пусто. Недоумевая, она толкнула заскрипевшую дверь и вошла в прохладный холл пансионата. Проша шел рядом, прижимаясь к ее ноге.

Внутри никого не было. «Вымерли они все, что ли?» – недоуменно подумала Даша и пошла по коридору в сторону комнаты Боровицкого, – вспомнив, что рядом есть лестница – она собиралась подняться наверх и поискать Раеву. Не пройдя и половины коридора, Даша услышала громкие голоса. Раздался какой-то вскрик, что-то упало, громкий мужской голос сердито произнес какую-то фразу... Даша завернула за угол и увидела людей, толпившихся в дверях самой крайней комнатухи. Она сделала два шага к ним, Проша неожиданно гавкнул – все словно по команде повернули головы к ней и замолчали.

В голове у Даши кто-то начал четко отсчитывать шаги, которые осталось дойти до комнаты Боровицкого. Она знала откуда-то, что шагов должно быть десять, но голос в голове все равно отбивал, как часы. Десять. Девять. Восемь. Семь. Шесть. Пять. Четыре. Три. Два. Люди около входа в комнату молча смотрели на нее, а до двери

оставался еще один шаг. Даша окинула взглядом лица – сморщенные, морщинистые лица, показавшиеся ей совершенно одинаковыми.

– Господи, страх-то какой! – произнес чей-то старческий голос, и Даша поняла, что слова относятся к Проше. Пес ткнулся головой ей в колени, и она сделала последний шаг к зеленой двери в самом конце коридора.

Охранник, тщетно пытавшийся максимально вежливо убедить чертовых бабулек и дедков покинуть комнату, поднял голову и увидел бледную светловолосую женщину, очень медленно входящую в дверь. Следом за ней протиснулся здоровенный черный пес, похожий на мастифа, но охранник знал, что порода другая, только не мог вспомнить название. Он хотел прикрикнуть на вошедшую, чтобы она не прикасалась к телу, но было поздно: пройдя два шага, женщина с тихим стоном осела около старика и уткнулась лицом в его колени.

«Да это же дочь! – догадался охранник. – Вот черт, как бы ее помягче увести-то, а?» Он наклонился и тронул женщину за плечо, но почувствовал чье-то прикосновение и поспешно шагнул в сторону – около него стоял черный пес с висящими складками на морде, вблизи казавшийся просто огромным. Пес коротко посмотрел на охранника, перевел взгляд на хозяйку, сотрясающуюся в безмолвном плаче, потом на старого человека, сидевшего на стуле. Несколько секунд пес рассматривал нож, торчащий из груди старика. Потом задрал морду к потолку и протяжно, жалобно завыл.

Через два часа Дашу отпустили домой, выяснив все о ее отношениях с Боровицким. Рассказывать ей было почти нечего, и следовательно, приехавший по горячим следам, быстро отстал от нее. Даша сидела в уголке и прихлебывала горячий чай, пахнущий валерьянкой, который заботливо принесла ей Раева. Управляющая в присутствии оперов и следователя держалась спокойно и

сдержанно, и Даша невольно почувствовала уважение к этой сильной женщине. Когда она пыталась поблагодарить Раеву за чай, та одним движением руки отмела даже возможность благодарности. В соседней комнате распекали охранника, из-за недосмотра которого на месте преступления затоптали все возможные следы.

– А остальные где были? – раздался чей-то бас.

– Остальные были мной отосланы, – подала голос Раева.

– На кой хрен, спрашивается? – поднял на нее мутные глаза следователь. – То есть зачем вы остальную охрану отослали?

– Спасибо за перевод, – невозмутимо ответила Лидия Михайловна. – Когда обнаружили тело, я сразу подумала, что в пансионат пробрался убийца, и отправила людей обыскать территорию. Охранников всего трое, один остался в комнате, он же позвонил вам. А двое осмотрели сад и комнаты.

– Нашли что-нибудь?

– Вы же сами знаете, что нет.

Следователь почесал в затылке и тоскливо вздохнул. Работать ему не хотелось – до отпуска оставалось два дня, и тут такая подлость. Он просмотрел данные, собранные опергруппой, и вздохнул еще раз.

«Боровицкий, Петр Васильевич... член Союза писателей... Черт бы его не видал! Какого рожна он оказался в доме престарелых? А, вот – работал над рукописью. Выделена комната управляющей пансионатом... Иногда оставался ночевать. Тело обнаружила утром...»

– Кто такая Галицкая? – хмуро спросил следователь.

– Сиделка, – ответила Раева. – Я отправила ее утром отнести Петру Васильевичу кофе, потому что он оставался на всю ночь. Она нашла его убитым.

– Позовите ее, – буркнул следователь, и тут взгляд его упал на молодую женщину, съезжившуюся в углу комнаты и сжимающую в руках огромную чашку, затем на здорового холеного пса, лежащего у ее ног.

– Не понял... – с угрозой протянул следователь. – Почему посторонние в помещении?

– Вы же сами меня допрашивали, – тихо напомнила Даша. – И я не посторонняя.

– Во-первых, я вас не допрашивал, во-вторых, мы уже закончили, а в-третьих, вы не родственница покойному. Или вы состояли с ним в связи? – Следователь разговаривал грубо, потому что его отчего-то раздражала блондинистая дамочка, изображающая из себя страдальцу.

Даша поставила чашку на самый край стола и двинулась к выходу, ничего не ответив. Пес поднялся и пошел за ней, слегка припадая на переднюю лапу. Около стола он вдруг остановился, открыл пасть и оглушительно гавкнул. Чашка опрокинулась и упала на пол, капли чая брызнули следователю на брюки и ботинки. Тот вскочил, выругавшись, но женщины и собаки уже не было в комнате. Поскрипывала дверь, из которой тянуло сквозняком, а со стула напротив смотрела на следователя с еле уловимой иронией худая, подобранная женщина с голубыми глазами.

– Так... – проговорил сквозь зубы следователь, усевшись на место и ощущая, как по носку в правом ботинке растекается влажное тепло. – А теперь объясните мне, Лидия Михайловна, как в доверенном вам пансионате оказался посторонний человек?

Утром, купив в киоске газету, Даша увидела на последней странице некролог. Быстро пробежала его глазами. На семьдесят восьмом году жизни... трагическая смерть... известный публицист... выдающийся... много поклонников литературного таланта... О похоронах не было ни слова. Она запоздало поняла, что так и не узнала телефон родственников Петра Васильевича у Раевой. Даша вздохнула и пошла домой.

– Я о твоём Петре Васильевиче сегодня в газете читал, – грустно сказал ей вечером Максим.

– И я тоже видела, – подала голос Олеся, вязавшая под торшером очередную яркую тряпочку. – Мам, а как он умер?

Даша с Максимом переглянулись. Говорить о том, что Боровицкого убили, Даше совершенно не хотелось. Но и врать десятилетней дочери было бессмысленно и вредно.

– Убили его, Олеся, – тяжело вздохнув, призналась Даша.

– Понятно, что убили, – махнула рукой девочка. – Я и спрашиваю – как убили-то?

– Хм, откуда, интересно, тебе понятно, что убили? – удивился Максим.

– В Интернете прочитала, – пожала плечами Олеся. – Там писали, что милиция расследует преступление.

Даша с Максимом переглянулись второй раз – они совершенно упустили из виду, что Олеся в школе проходит информатику и неплохо общается с компьютером. Дома компьютера не было, но дочери хватило и школьного.

– Ну чего вы переглядываетесь? – нарушил молчание жалобный голос Олеся. – Я уже не маленькая, в конце концов. Его застрелили, да?

– Ножом закололи, – нехотя ответила наконец Даша.

– Ой, кошмар какой! – Олеся прижала руки ко рту совершенно взрослым жестом. – Мамочка, а кто?

– Не знаю, Олеся, – покачала головой Даша. – Милиция выясняет.

– А сама ты что думаешь? – неожиданно спросил Максим.

Даша отложила в сторону книгу. За прошедшие часы мысль о смерти Боровицкого постоянно преследовала ее, но она совершенно не думала о ее причине. Только сейчас вопрос мужа заставил осознать: к Петру Васильевичу в комнату кто-то пришел, и этот «кто-то» ударил его ножом и убил. Зачем? Почему? Даша растерянно взглянула на мужа и покачала головой.

– Максим, я ума не приложу, – искренне сказала она. – В доме престарелых одни старики. Вот так взять и ножом заколоть... Половину из них в инвалидной коляске возят!

– Ну, положим, не одни, – возразил муж. – Наверняка там еще и врачи, и медсестры. Охранники есть опять-таки. Меня вот что удивляет, – продолжал Максим. – Ты говоришь, он на стуле сидел?

– Да, – кивнула Даша, не понимая, к чему он клонит.

– И в комнате еще есть кушетка?

Она опять кивнула.

– То есть он сидел, убитый, на стуле? С закрытыми глазами?

– Сидел, но с открытыми, – сразу вспомнила Даша. – А при чем тут...

– И компьютер, наверное, был включен? – азартно продолжал Максим.

Даша припомнила обстановку комнаты. Когда она вошла туда, то смотрела только на мертвого Боровицкого, но что-то подсказало ей, что муж прав: компьютер работал.

– Звук! – вспомнила она. – Он шумел довольно громко.

Ее осенила догадка, и она перевела взгляд на Максима.

– Ну и что, что работал? – опять вылезла Олеся. – При чем тут комп, скажите мне!

Максим и Даша синхронно отмахнулись от нее, продолжая глядеть друг на друга. Обоим без слов было ясно, что означали включенный ноутбук и то, что старик сидел на стуле.

– Он писал... – медленно проговорила Даша. – У него же наверняка бессонница, как у многих пожилых людей. И кто-то зашел к нему... подошел... ударил...

Она попыталась представить, как открывается дверь в маленькую узкую комнатку и заходит кто-то, кого Боровицкий видит сразу, потому что сидит боком к двери, как тот заносит нож...

Она покачала головой:

– Не получается.

– Вот именно, – сразу отозвался Максим. – Сама догадалась, да? Если ты увидишь человека с ножом, то попытаешься защититься, а не будешь сидеть как баран. Одно из двух: или убийца выхватил нож

мгновенно, и тогда, значит, он был специально обучен. Человека вообще не так-то легко убить точным ударом в сердце. Либо...

– Либо он не сопротивлялся, – упавшим голосом закончила Даша. – Может, его чем-то опоили?

– Если так, то это быстро выяснится, – пожал плечами Максим. – Вполне возможно, у них же там куча всяких медицинских препаратов. Но мне кажется, что убить его мог только человек, которого старик хорошо знал. Точнее, о ком он что-то узнал, вот как. Не зря же он книжку писал...

В комнате повисло молчание.

– Мам, а ты на похороны пойдешь? – вдруг спросила Олеся.

Только Даша собралась ответить, что не знает, как связаться с родственниками, и тут громко прозвонил телефон. Максим вскочил, вышел из комнаты и быстро вернулся с трубкой в руках.

– Тебя, – протянул он трубку Даше.

Даша вышла из комнаты и поговорила минут пять, а когда вернулась, вид у нее был недоумевающий.

– Звонил нотариус, – ответила она на невысказанный вопрос Максима. – Просил завтра быть в офисе на Полянке по поводу завещания Боровицкого.

На следующий день она входила в нотариальную контору с неброской лаконичной вывеской. Только внутри можно было оценить, что дела у нотариусов идут совсем неплохо, и в первый момент Даша слегка оробела среди картин и кожаных кресел.

– Вы по какому вопросу? – деловито осведомилась девушка, сидевшая за регистрационной стойкой.

– Мне позвонили по поводу завещания Петра Васильевича Боровицкого, – пояснила Даша. – Но я не совсем уверена...

– Первый кабинет, – прервала ее девушка и подняла трубку зазвонившего телефона.

Даша прошла по коридору к ближней двери и обнаружила, что единственный маленький диванчик занят. На нем сидели двое

крупных мужчин лет сорока, неуловимо похожие друг на друга. Она поздоровалась и получила в ответ сдержанные кивки. Один из мужчин, крепко сбитый, в хорошо сидящем костюме, бросил на нее короткий взгляд, а второй даже не повернул головы.

Мысленно сожалея о том, что прошли времена, когда дамам уступали места, она привалилась боком к стене. «Господи, в точности как в совковых поликлиниках, в очереди», – тоскливо подумалось ей.

От нечего делать Даша стала изучать мужчин. Нет, пожалуй, один из них все-таки помладше – лет тридцати шести – тридцати восьми. Время от времени он проводил указательным пальцем по обивке кресла, отчего раздавался противный скрипучий звук. «Костюм на нем мятый, – отметила Даша. – И вообще он какой-то... нервный. И потертый. Второй выглядит солиднее».

Второй действительно выглядел солиднее. Даша не разбиралась в костюмах, но женским чутьем поняла, что синяя в серую полосочку ткань стоит дорого. И галстук был красивый. Даже не столько красивый, сколько... Она задумалась. В общем, у Максима не было такого галстука, а ей хотелось бы, чтобы был.

Солидный перевел на нее взгляд, и Даше сразу стало неловко. Что она, в самом деле, – стоит тут галстук рассматривает... Как зевака натуральная, ей-богу!

Ей захотелось уйти отсюда. Хотелось, чтобы непонятная ерунда с вызовом к нотариусу поскорее закончилась и она могла бы поехать в магазин развивающих игр, где продавались пособия и разная полезная мелочь для занятий. Можно было бы что-нибудь и Олеся присмотреть...

– Наследственное, Боровицкий! Пройдите! – выкрикнула девушка из коридора, и двое мужчин поднялись как по команде и зашли в кабинет. Секунду подумав, Даша вошла следом.

В светлой комнате, заставленной шкафами, за огромным столом сидел толстый мужчина с двойным подбородком. Рядом, за столиком поменьше, разместились обвешанная золотыми цепями дама лет

сорока, а рядом с ней на стульчике притулилась девушка лет двадцати, выглядящая строго и неприступно. Та кого-то вдруг Даше напомнила, и спустя минуту она поняла кого – девушку за регистрационной стойкой. «Клонировать их, что ли? – подумалось ей не к месту. – Или, может, сестры...»

Даша постаралась припомнить все, что читала о нотариусах, и пришла к выводу, что толстый и есть нотариус, дама в золоте – его помощник, а девушка.... «Ну, девушка, наверное, секретарь. Хотя зачем ему секретарь, если есть помощник?»

– Присаживайтесь, – кивнула женщина на стулья около стола. – Паспорта ваши, пожалуйста.

Ловя на себе взгляды мужчин, сидевших рядом, Даша полезла в сумку за паспортом. «И чего они меня так рассматривают? – подумала она, почувствовав себя совсем неловко. – И кто они вообще такие?»

– Значит, у нас имеются присутствующие... – протянул нотариус, заглядывая в документы, – Олег Петрович Боровицкий, Глеб Петрович Боровицкий и... – он бросил быстрый изучающий взгляд на Дашу, – Дарья Андреевна Пронина.

Даша согласно кивнула, и тут до нее дошло. «Так это же сыновья Боровицкого!» – чуть не вскрикнула она и снова воззрилась на обоих. Однако Боровицкие уже не глядели в ее сторону – их внимание было приковано к синей папке на столе, из которой нотариус достал большой белый конверт, исписанный какими-то закорючками.

– Прежде чем перейти к делу, скажу следующее, – нотариус обвел всех взглядом, чуть задержавшись на Даше. – Петр Михайлович Боровицкий оставил закрытое завещание, которое было принято мною с соблюдением всех правил. Здесь находятся два свидетеля, присутствовавшие при передаче завещания.

Он кивнул на женщину и девушку. Девушка потупилась. «Свидетели какие-то, – удивленно подумала Даша. – Как все сложно...»

– Вы хотите проверить их документы? – осведомился нотариус, изучая сыновей Боровицкого.

– Пока нет, – подумав, произнес тот, что казался старше.

– Отлично. Должен сказать, что при передаче мне конверта со своим волеизъявлением Петр Васильевич Боровицкий оставил список людей, которых я должен вызвать на оглашение его завещания.

Нотариус говорил так, будто читал по бумажке, и Даша даже взглянула на стол перед ним, чтобы убедиться, нет ли там шпаргалки. Но ее не было.

– Двое из наследников – это сыновья господина Боровицкого, – нотариус посмотрел сначала на одного, потом на другого, и каждый из братьев коротко кивнул, – а третий – госпожа Пронина Дарья Андреевна.

В свою очередь, кивнула и Даша, ощущая, что все в комнате смотрят на нее.

– Итак, теперь я могу перейти к оглашению завещания, – торжественно произнес нотариус.

– Давно пора, – чуть слышно сказал младший сын Боровицкого и удостоился негодующего взгляда от дамы в золоте.

В наступившей тишине нотариус с хрустом вспорол белый конверт и, к удивлению Даши, вытащил из него другой, чуть поменьше. На том, другом, тоже было что-то написано с обеих сторон. Нотариус очень аккуратно распечатал конверт и вынул лист плотной бумаги.

– Завещание Петра Васильевича Боровицкого, – внушительно сообщил он, поглядев на Дашу, и достал из кармашка очки. Потом взмахнул листком, и Даше показалось, что от него повеяло знакомым запахом давно немодного одеколona. Нотариус читал, а она на минуту отвлеклась и не вслушивалась в текст, выхватывая лишь отдельные слова.

– Я, Боровицкий Петр Васильевич... года рождения... проживающий... находясь в здравом уме и твердой памяти, для подтверждения чего... оставляю имущество...

Даша услышала слово «имущество», и голова у нее включилась. Она заметила, каким пристальным взглядом смотрит на нее дама в золоте, и ей опять стало не по себе.

– Все движимое имущество, – читал нотариус, – я оставляю своим сыновьям, Олегу и Глебу, с условием, что они поделят его по собственному усмотрению.

Двое мужчин переглянулись. Даша старалась не смотреть на них, но взгляд сам притягивался к похожим профилям. «Господи, дети Петра Васильевича! Подумать только! А ведь ни капли на него не похожи. Нужно будет обязательно сочувствие им выразить...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Елена
Михалкова

Дом
одиноких
Сергей